

EVERY PROMISE HAS A PRICE.

DARKTWINE

JULIET BLACK

18+

Juliet Black
Дарктвайн
Серия «Twine Saga», книга 1

<https://litres.ru/74324123>

SelfPub; 2026

Аннотация

Думала ли я когда-нибудь, что однажды мне придётся вырывать у судьбы право на собственную жизнь? Нет. Я знала, каким будет моё завтра, знала своё место в этом мире и никогда не думала, что однажды от всего этого ничего не останется. Потеряв практически всё, я была вынуждена бороться за единственный шанс начать заново - и не только ради себя.

Мне пообещали новую жизнь, силу и свободу. Казалось, нужно лишь выдержать испытания и дойти до конца. Но чем дальше я шла, тем яснее становилось: некоторые дороги не ведут к спасению. Некоторые ведут туда, откуда уже невозможно вернуться.

И самое страшное я поняла слишком поздно: за всё, что тебе дают, однажды приходится платить. Вопрос лишь в том, какую цену потребуют с меня.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	23
Глава 3	40
Глава 4	59
Глава 5	76
Глава 6	90
Глава 7	108
Глава 8	123
Конец ознакомительного фрагмента.	139

Juliet Black Дарктвайн

Глава 1

Земля Торендо. Ламире десять лет.

Подол платья запутался между щиколоток. Туфли на плоской подошве гулко шлепали по мраморным ступеням, пока я неслась вниз. Русые пряди лезли в лицо.

— Отец! Ты уезжаешь во дворец? Возьми меня с собой!

Отец остановился в холле. Плащ уже лежал на его плечах. Я преодолела последние ступени и подбежала ближе, едва не поскользнувшись на гладком полу.

Его ладонь опустилась на мою макушку, приглаживая волосы. В его глазах отразилось мое лицо. Серые глаза мать всегда называла красивыми.

— Ламира, сейчас опасные времена...

— Но я же буду во дворце! — перебила я. — Что там может случиться? Кругом стража, на каждом углу солдаты.

Отец опустил руку и вздохнул.

— Поиграй с сестрой дома.

— Аделию только уложили спать на дневной сон, — я дернула плечом. — Мне скучно. А во дворце ждет Катария.

— Опять с принцессой будете лазить где попало, — в его голосе послышалась усталость.

— Нет, мы будем вести себя хорошо. К тому же Райдер всегда следит за нами.

Отец помолчал, глядя на меня. Затем поправил воротник и кивнул на дверь.

— Ладно. Поехали.

— Ура! — я подпрыгнула на месте и помчалась к выходу.

Гвардейцы у входа потянули на себя створки. Я выскочила на крыльцо и сбежала по ступеням к подъехавшей карете.

— Ламира, не уподи! — донесся сзади смех отца. Он спускался следом, придерживая ножны. — Тебе уже десять, а ве-

дешь себя как мальчишка.

— Это неправда! — я обернулась и на ходу показала ему язык.

Возле кареты я остановилась и огляделась. Наш дом стоял посреди залитого солнцем холма — большой, сложенный из белого камня, с высокими окнами. Вокруг шумели яблоневые сады, а за ними, сколько хватало глаз, тянулся темный густой лес. Отец специально выбрал это место подальше от шумного города и королевского дворца. Точнее, это место выбрала мама.

Улыбка сошла с моего лица. Я посмотрела на верхушки деревьев, и к горлу подступил знакомый ком. Мамы не стало пять лет назад, когда родилась Аделия. С каждым годом мне становилось все труднее вспоминать ее лицо. Черты ее бледнели в памяти, превращаясь в размытый силуэт.

Отец подошел ближе. На его лице отразилось беспокойство.

— Мила, все в порядке?

— Да, — я быстро кивнула и заставила себя улыбнуться.

Отец открыл дверцу кареты и подал мне руку. Я ухватилась за его ладонь и запрыгнула внутрь, усаживаясь на мягкое кожаное сиденье.

Он сел напротив. Колеса зашуршали по гравию, и дом остался позади. Карету слегка покачивало на поворотах. Пользуясь моментом, я придвинулась ближе к краю сиденья.

— Отец, а что сейчас происходит в Торендо?

Он повернул голову и посмотрел на меня из-под нахмуренных бровей.

— Ничего не происходит, Мила. Обычные государственные дела.

— Ты врешь.

Отец вздохнул и поправил складки плаща.

— Ламира, ты слишком маленькая, чтобы забивать себе голову такими вещами. Тебе это не нужно.

— Но слуги постоянно шепчутся на кухне! Я все равно знаю, что что-то стряслось.

Три народа веками делили материк, так и не научившись жить рядом. Люди Торендо занимали южные земли. Бессмертные астерийцы владели Астерисом на западе. А восточнее лежал Вальдар, принадлежащий звериной расе, которую у нас чаще называли оборотнями. Из обрывков чужих разговоров я знала, что суэта как-то связана именно с Астерисом.

— Перестань слушать сплетни и думать об этом, — отрезал отец, давая понять, что разговор окончен.

Я промолчала, отвернувшись к окну и разглядывая мелькающие за стеклом деревья. Пусть он молчит. Во дворце я все равно выведаю правду сама.

Дорога спустилась с холма, и карета въехала в черту города. За окном замелькали серые каменные дома, тесные лавки, пекарни, вывески таверн. На узких улочках царила суэта. Мальчишки в рваных рубахах с криками носились между телегами торговцев.

Чем дальше мы продвигались, тем отчетливее проступала бедность. У стен домов сидели люди в грязных лохмотьях. На одном из перекрестков колеса замедлили ход. К нашему окну протянулась худая, испачканная сажей рука. Оборванный мужчина заглянул внутрь, беззвучно шевеля губами и прося милостыню.

Отец дотянулся до окна и потянул за край плотной ткани.
— Завесь шторы, Мила. Не смотри.

Я дернула за шнурок, скрывая от себя улицу, и повернулась к нему.

— Отец... Если бы ты не был правой рукой правителя Сайруса, мы бы тоже так жили? В такой же нищете?

Он пересел на мое сиденье и притянул меня к себе, обнимая за плечи. Его голос звучал тихо и очень мягко:

— Нет, маленькая моя. Никогда. Даже если бы у меня не было этой должности, я бы нашел способ. Перевернул бы весь мир, пошел бы на любую работу, но не позволил бы вам с Аделией голодать или просить подаяние. Помни об этом.

Я прижалась к его плечу, вдыхая знакомый запах кожи и дорожной пыли.

Вскоре стук копыт изменился — карета въехала в богатый пригород. Из-за шторы, которую я снова немного отодвинула, нищие кварталы сменились ухоженными аллеями, дорогими особняками знати с коваными заборами и чистыми мостовыми. Этот район служил своеобразной прослойкой между городом и королевской резиденцией. Мы мино-

вали последние поместья, и впереди показался сам замок. Королевский дворец стоял на обособленной возвышенности, отрезанный от внешнего мира высокими стенами и глубоким рвом. Мы подъезжали к главным воротам.

Карета затормозила. Отец вышел первым, повернулся и поставил мне ладонь. Я оперлась на его руку, спрыгнула на плиты внутреннего двора и расправила помявшуюся юбку.

Мы поднялись по высокой лестнице. Стражники у входа синхронно распахнули перед нами тяжелые двери. В просторном прохладном холле отец остановился и повернулся ко мне:

— Мила, я буду занят на совете до самого вечера. Если устанешь или захочешь домой, найди любого дежурного гвардейца и попроси доложить мне.

— Я не захочу домой, — я широко улыбнулась.

Отец коротко прижал меня к себе, поцеловал в макушку и кивнул:

— Иди играй.

Стоило ему отвернуться к переходу, ведущему в крыло правителя, как я бросилась бежать в противоположную сторону. В это время Райдер обычно тренировался. Наверняка его младшая сестра Катария крутилась где-то поблизости.

Я миновала несколько коридоров, свернула к восточному крылу и выскочила через боковую арку на улицу. Прямо передо мной открылась тренировочная площадка, огороженная невысоким каменным бордюром. На утопанной земле

Райдер бился со своим наставником.

Пятнадцатилетний наследник престола двигался с точностью взрослого воина. Учебный металлический клинок в его руках описывал дуги, с глухим стуком сталкиваясь с мечом тренера. Райдер уклонился от прямого выпада, сместился в сторону и нанес стремительный ответный удар, заставив наставника сделать шаг назад.

Я замерла у края площадки, не в силах оторваться от этого зрелища. В свои пятнадцать он уже не уступал многим бойцам королевской стражи. Райдер — будущий правитель Торендо, и сейчас я ни капли не сомневалась, что из него вырастет сильный и опасный мужчина, способный защитить свою страну.

Пользуясь тем, что наставник на секунду закрыл его спиной, я набрала в легкие воздуха и звонко крикнула на всю площадку:

— Райдер!

Он мгновенно отвлекся, поворачивая голову на мой голос. Меч тренера со свистом пронесся в паре дюймов от его плеча. Райдер едва успел выставить блок, принимая тяжелый удар на стальную гарду. Его ботинок проскользнул по утоптанной земле.

— Черт... Ламира! — рякнул он, отступая и опуская оружие. — Опять ты за свое!

Я звонко рассмеялась, облокотившись на невысокий каменный бортик площадки.

— А где Катария?

— Возле конюшен она! — крикнул Райдер, снова переключая внимание на наступающего тренера.

Дважды повторять мне было не нужно. Я развернулась и припустила по дорожке в сторону королевских конюшен.

— Я с тобой потом разберусь, мелкая! Получишь у меня! — донесся сзади его возмущенный, но веселый крик, который тут же заглушил новый звон столкнувшихся клинков.

Тропинка вела через небольшой сад. Я миновала ряды цветущих кустов и выбежала на открытую поляну, где располагались королевские конюшни.

Катария стояла у деревянной левады. Рядом с ней перебирал тонкими ногами жеребенок, выпрашивая угощение.

— Катария! — крикнула я еще издалека.

Принцесса обернулась. Темные локоны взметнулись по плечам, открывая лицо с яркими голубыми глазами. Несмотря на пышное нарядное платье, Катария тут же забыла про жеребенка и побежала мне навстречу.

— Ты приехала! — она обняла меня за плечи. — Наконец-то. Мне было ужасно скучно.

— Да, отец взял меня с собой. Я буду здесь до самого вечера, — я улыбнулась, поправляя смятый подол.

Улыбка Катарины быстро угасла. Она опустила руки и посмотрела в сторону главного замка.

— Повезло тебе. А я своего отца уже несколько дней толком не видела. Он постоянно запирается в кабинете с совет-

никами.

Я сделала шаг ближе и понизила голос, оглядываясь по сторонам:

— Ты знаешь, что вообще происходит? На кухнях только об этом и шепчутся.

— Кое-что знаю, — Катария посерьезнела, подражая взрослым. — Я подслушала разговор стражников у дверей. На границе с Астерисом снова была стычка.

— Стычка? — я удивленно округлила глаза. — Но почему?

Катария вздохнула и покачала головой, поправляя кружевной рукав.

— Я слышала, что мой дедушка постоянно хотел захватить новые земли. Ему было мало Торендо. Говорят, он пытался добраться до какой-то древней силы в Астерисе и постоянно отправлял туда людей. Но мой отец не такой. Он хочет мира.

— Как думаешь, они согласятся на мир? — спросила я, разглядывая жеребенка за забором.

— Зачем им нападать на Торендо? — Катария пожала плечами. — У них есть свои земли. И своя сила.

— Что за сила? — я повернулась к ней, подавшись вперед.

— Не знаю, — принцесса развела руками.

— Они и так слишком сильные, — я нахмурилась, вспоминая рассказы из книг. — У астерийцев есть вторая сущность. У вальдарцев — сила зверя. Что там может быть еще

такого, чего так сильно хотел твой дедушка?

— Я правда не знаю, Ламира, — Катария вздохнула и прислонилась к деревянной перекладине левады. — Я просто надеюсь, что отец сможет заключить мир.

— Райдер защитит нас, когда вырастет, — уверенно произнесла я.

— А ты станешь нашей королевой, — Катария звонко рассмеялась, толкнув меня локтем в бок.

Щеки тут же обдало жаром. Я сердито отвернулась к жеребенку.

— Ты дурочка, Катария!

— Да ладно тебе, я же вижу, что он тебе нравится! — принцесса так и покатывалась со смеху, ничуть не испугавшись моего грозного вида.

— Он мой друг детства! — я попыталась придать голосу как можно больше твердости. — Точно такой же, как и ты!

Катария только отмахнулась, продолжая весело улыбаться.

— Ну да, конечно. Вот увидишь, когда мы вырастем, все именно так и будет!

Тяжелые шаги заставили нас обоих обернуться.

— Опять сплетничаете? — донесся с тропинки голос Райдера.

Лицо снова обожгло. Я уставилась себе под ноги и принялась усердно ковырять носком туфли мягкую землю, молясь только об одном — чтобы он не услышал последние слова

сестры. Смотреть на него сейчас было выше моих сил.

— Тебя обсуждали! — Катария весело прыснула, сдавая меня с потрохами.

— Катария! — я наконец вскинула голову и сердито прикрикнула на подругу.

Принцесса лишь отбежала на шаг, продолжая открыто смеяться.

Райдер подошел ближе. Как и у сестры, у него были темные, слегка растрепанные после тренировки волосы и яркие голубые глаза. Он был по-настоящему красивым — даже я в свои десять лет это понимала. Юноша перевел взгляд с меня на сестру, проигнорировав наши девчоночьи секреты, и посерьезнел.

— Катария, отец опять закрылся в кабинете?

— Да, — ответила Катария, сразу растеряв все веселье. — И отец Ламиры тоже там.

Она сделала шаг к брату. Я тоже придвинулась ближе. Мы обе замерли, выжидаяще глядя на него.

— Ты знаешь, что происходит? — спросила Катария.

Райдер окинул нас двоих долгим взглядом. На его лице появилось снисходительное выражение.

— Вы ведь не успокоитесь, пока не узнаете, верно?

— Не успокоимся, — хором подтвердили мы. — Ну расскажи!

Райдер скрестил руки на груди и понизил голос:

— Стража поймала астерийца на границе. Он брат прави-

теля Астериса.

Катария вскрикнула, прижав ладони к губам.

— Брат Тардана?! Азриан?!

— Нет, их младший брат, — покачал головой Райдер.

— Где он сейчас? Зачем его поймали? — я подалась вперед, ловя каждое слово.

— Здесь, во дворце. В подземной темнице. Отцу нужен гарант для переговоров. Только вот, — Райдер недовольно качнул головой и посмотрел в сторону замка, — хоть этот астериец и сидит под замком, отец приказал относиться к нему чуть ли не как к гостю. Туда носят лучшую еду.

— О чем ты говоришь? Это же отлично! — Катария радостно улыбнулась. — Отец хочет мира. Он дождетя Тардана, отдаст ему брата, и войны не будет.

Райдер посмотрел на сестру. Его взгляд стал тяжелым и странным, совсем не похожим на мальчишеский. Он ничего не ответил на ее радость.

— Мой перерыв закончился, — глухо произнес он. — Возвращаюсь к тренировкам.

Юноша повернулся, на секунду задержал взгляд на мне, а затем стремительно пошел обратно по тропинке к плацу.

Я повернулась к Катарии.

— Настоящий астериец здесь, во дворце! В нашей темнице.

— Это очень странно, — Катария нахмурилась и принялась перебирать пальцами кружево на юбке. — Зачем отец

привез его сюда? Логичнее было оставить пленного где-нибудь на пограничной заставе, подальше от замка.

— Если он брат Тардана, значит, он слишком важен, — возразила я. — Твой отец побоялся оставлять его на границе. Вдруг астерийцы напали бы и отбили его? А здесь — самое безопасное место.

Катария на мгновение задумалась, а затем неохотно кивнула:

— Наверное, ты права.

— Я хочу на него посмотреть, — тихо произнесла я.

Принцесса отшатнулась от меня, округлив глаза.

— Ты с ума сошла, Мила? Он же опасный! Это бессмертный враг!

— У астерийцев есть крылья, Катария, — я заговорила быстрее, пытаясь заразить ее своим любопытством. — И настоящая магия. Я никогда в жизни не видела их вживую. Только на картинках в учебниках. Когда еще выпадет такой шанс?

— Его наверняка охраняют так, что мы и близко к темнице не подойдем, — Катария попыталась найти разумный повод для отказа, но в ее голосе уже послышались сомневающиеся нотки.

Я хитро улыбнулась подруге.

— Охраняют главные двери подземелья. Но мы ведь прекрасно знаем потайные ходы, которые ведут туда в обход стражи.

— Я боюсь, Ламира, — Катария скрестила руки на груди и сделала шаг назад. — Если нас поймают, отец будет очень сильно ругаться.

— Не поймают, — я схватила ее за руку и потянула за собой в сторону замка. — Мы пройдем тихо. Никто нас не увидит, мы просто проберемся в темницу, посмотрим и уйдем.

— Ты же понимаешь, что это опасно? — Катария упиралась, замедляя шаг на тропинке. — А если он вырвется? Он же может убить нас! Я не пойду туда.

— Тогда я сама пойду, — я упрямо вздернула подбородок, но руку подруги не выпустила. — Я хочу посмотреть на его крылья. Всего один раз в жизни.

Я продолжала тащить принцессу за собой по садовой дорожке к западному крылу дворца. Катария тяжело вздохнула, понимая, что переспорить меня не получится.

— Ламира, стой. Я все равно не пойду в самую темницу!

— Постоишь на входе у потайной двери, — тут же предложила я план, ослабляя хватку. — Посторожишь меня. А я сама загляну внутрь, посмотрю на него быстренько и сразу прибегу обратно. Идет?

Катария молчала несколько секунд, переводя взгляд с меня на серые стены замка. Наконец она сдалась.

— Ладно. Только очень быстренько.

Мы припустили по садовой дорожке к замку. Подол моего платья то и дело цеплялся за ветки декоративных кустов, но я не обращала внимания. Мы обогнули тренировочную

площадку, стараясь держаться ближе к живой изгороди.

— Эй! Куда это вы? — зычный голос Райдера заставил нас вздрогнуть. Он прервал очередной выпад и подозрительно прищурился в нашу сторону. — Опять что-то задумали?

— Нет-нет, мы просто играем в догонялки! — на ходу крикнула Катария, оборачиваясь.

Мы весело рассмеялись, прибавляя ходу, и ворвались под прохладные своды западного крыла дворца. Туфли гулко застучали по паркету пустынной галереи. Пробежав мимо портретов прошлых правителей, Катария резко затормозила у глухой стены, облицованной тяжелыми деревянными панелями. Вокруг не было ни души.

— Сюда, — шепнула принцесса.

Она уверенно подошла к декоративному деревянному выступу в углу, нащупала пальцами скрытый рычажок под резьбой и плавно надавила. Раздался глухой щелчок. Часть стены вместе с массивной панелью бесшумно подалась назад, открывая узкий, темный зев прохода.

Мы быстро скользнули внутрь, и Катария потянула дверь за собой, возвращая ее на место. Нас обступила плотная, прохладная темнота, пахнувшая сухой штукатуркой и старым камнем. Свет пробивался лишь тонкими, едва заметными полосками сквозь смотровые щели, спрятанные в декоре парадных комнат дворца.

Катария схватила меня за руку, и мы гуськом двинулись вперед. Проход был настолько узким, что наши платья шур-

шали о каменную кладку с обеих сторон. Мы шли медленно, стараясь не шуметь. Сквозь вентиляционные решетки справа доносились приглушенные голоса слуг, звяканье посуды на дворцовой кухне и чьи-то далекие шаги в коридорах. Кажалось, мы пробираемся сквозь самый скелет огромного замка.

Вскоре коридор круто повернул вниз. Каменные ступени под ногами стали сырыми и скользкими. Приходилось держаться за стены, чтобы не полететь кубарем. Воздух здесь стал тяжелым, подвальным.

Наконец ступени закончились. Потайной ход уперся в небольшую деревянную дверь, окованную потемневшим от сырости железом.

— Все, пришли, — Катария едва слышно выдохнула мне в самое ухо. — За этой дверью — коридор нижних темниц. Главный пост стражи остался с другой стороны, у центрального входа. Но здесь все равно могут ходить надзиратели.

Я протянула руку и коснулась холодного металлического кольца, выполнявшего роль ручки. Ладонь мгновенно покрылась испариной.

Катария перехватила мое запястье, удерживая. Ее пальцы слегка дрожали.

— Ламира... только быстренько. Пожалуйста.

Я серьезно посмотрела на нее и кивнула. Подруга медленно разжала пальцы. Я потянула кольцо на себя, и дверь с легким скрипом поддалась, открывая мрачный коридор подзе-

мелья.

Я скользнула в проем. Холодный воздух подземелья пах ржавчиной, плесенью и мокрой соломой. Дверь за моей спиной тихо прикрылась — Катария осталась снаружи.

В коридоре было пусто. Стены давили своей толщиной, а редкие факелы в железных кольцах едва разгоняли мрак, отбрасывая на пол длинные ломаные тени. По обе стороны тянулись железные решетки. Я заглянула в первую камеру, затем во вторую — никого. Только брошенные в углах ржавые ведра, перевернутые кушетки и гнилая солома. Дворцовая темница выглядела жутко, совсем не так, как чистые парадные залы наверху.

Впереди раздался едва слышный звук — ткань скользнула по камню.

Я замерла, вытянув шею. В самом конце коридора решеток не было. Там находилась глухая каменная стена с тяжелой сплошной дверью. Никаких прутьев, через которые можно было бы разглядеть заключенного, только узкое смотровое окошко на уровне груди взрослого человека.

Я пошла вперед на цыпочках, стараясь не скрипеть кожаными подошвами туфель. Охраны по-прежнему не было видно, но от страха колени стали тяжелыми, словно налились свинцом. Каждый шаг давался с трудом.

Подойдя к тяжелой двери, я приподнялась на носки и заглянула в узкую прорезь.

Внутри камеры царил почти полная темнота. Свет от ко-

ридорного факела падал лишь узкой полосой на грязный каменный пол. В углу, прямо на камнях, сидел мужчина. Он упирался спиной в стену, вытянув одну ногу вперед, а вторую небрежно подогнув под себя. На вид ему было около двадцати лет — намного старше и крупнее Райдера. Я едва могла разобрать очертания его широких плеч и спутанные темные волосы, падающие на лицо.

Я затаила дыхание, боясь издать малейший звук. Свет ближайшего факела падал прямо мне на лицо. Пленник шевельнулся.

Он поднял голову. Из-за густой тени я так и не смогла разглядеть черты его лица, но отчетливо поняла: он смотрит прямо на меня. Астериец прекрасно видел мое испуганное лицо в прорези двери.

— Что ты тут делаешь, мелкая? — негромко спросил он.

Его голос, низкий и ровный, прозвучал в тишине подвала так неожиданно, что у меня перехватило горло. Рассудок затуманился от первобытного ужаса: я осознала, что стою в паре шагов от опасного бессмертного существа, о силе которого ходили страшные легенды. Волосы на затылке зашевелились, а ноги словно приросли к полу.

Ужас сковал пальцы, но любопытство оказалось сильнее. Я уцепилась за деревянный край смотрового окна, прижимаясь ближе к прорези, и попыталась разглядеть скрытую полумраком фигуру.

— А где твои крылья?

В темноте не было слышно даже его дыхания. Секунды тянулись, превращаясь в вечность. Я уже была готова отпрянуть от двери и броситься бежать назад.

Из темноты угла донесся смех. Короткий насмешливый смешок разнесся по каменной камере и эхом ушел в пустой коридор. В этом звуке читалось только высокомерное удивление.

Я замерла в шоке, не в силах пошевелиться. Астериец смеялся надо мной, пока я стояла перед дверью, едва живая от страха.

Глава 2

Я испуганно оглянулась по сторонам. Эхо его смеха еще вибрировало в каменном коридоре, и я всерьез опасалась, что на этот звук сбежится вся стража замка. Вокруг по-прежнему было тихо.

Справившись с дрожью, я снова прильнула к окошку. Обида на его высокомерие на миг вытеснила страх.

— Значит, в книгах пишут бред, — заявила я, стараясь говорить твердо. — Никаких крыльев у вас нет. Да и вообще, будь ты настолько сильным, давно бы уже выбрался отсюда.

Я отстранилась от двери и сделала шаг назад, собираясь уйти.

— Иногда полезнее позволить врагу думать, что он победил, — донеслось из темноты.

Этот тон заставил меня замереть на месте. Спокойный, уверенный голос взрослого мужчины не вязался с положением пленника, запертого в подземелье. Я остановилась.

— Зачем? — спросила я, поворачиваясь обратно.

— Не каждую войну можно выиграть силой.

В голове возник путаный бардак из мыслей. Разум лихорадочно пытался связать эти загадочные слова с шепотом слуг и тревожным лицом отца. Астерийцы что-то замышляют? Они сдались специально?

— Значит, ты плохой? — прямо спросила я.

Из угла камеры донесся тихий шорох, будто пленник сменил позу.

— В этом мире нет плохих и хороших, мелкая, — ответил он, и в его интонации проскользнула мрачная усмешка. — Есть лишь те, кто защищает свое, и те, кто пытается это отнять. Твой отец сейчас делает первое. Я — второе.

— Откуда ты знаешь про моего отца? — я крепче ухватилась за край окошка.

— Если ты пробралась в темницу дворца, значит, ты дочь правителя.

Внутри все похолодело. Если этот астериец решит, что я Катария, и расскажет кому-то, подруга сильно пострадает из-за меня. Я просто подставляю её.

— Я не дочь правителя, — быстро возразила я.

В камере воцарилась секундная пауза. Очертания его фигуры шевельнулись, мужчина подался чуть вперед. Когда он заговорил снова, его голос стал жестким, почти грубым.

— Тогда кто ты, черт возьми, такая? И как ты пробралась в темницу?

Я отступила от двери на шаг, чувствуя, что инициатива снова на моей стороне.

— Не скажу, — я упрямо скрестила руки на груди, подражая его недавнему тону. — Ты не показал мне свои крылья, так почему я должна отвечать на твои вопросы?

Пленник ничего не ответил, но я кожей почувствовала его тяжелый, изучающий взгляд из темноты.

— Прийти сюда было огромной глупостью, — произнес он. Злость из его голоса исчезла, уступив место какому-то странному, ровному тону. — Неужели ты совсем ничего не понимаешь?

— Мне не страшно, — упрямо ответила я, хотя пальцы все еще сжимали край деревянной прорези.

Из темноты снова донесся смешок. На этот раз он прозвучал тихо, почти снисходительно.

— Ты лжешь, мелкая. Я отчетливо чувствую твой страх. Я нахмурилась и чуть подалась вперед, вглядываясь вглубь камеры.

— Это магия?

— Это одна из способностей моей второй сущности, — ответил астериец.

— А какие у тебя еще есть способности? — любопытствовала я, мгновенно забыв про осторожность.

Мужчина слегка качнул головой, и я заметила, как блеснули в полумраке его глаза.

— Выдавать врагу свое оружие, сидя в его застенках, — еще большая глупость, чем твой визит сюда. Тебе этого знать не положено.

— Я не враг, — возразила я. Затем оглядела пустой коридор и снова заглянула внутрь. — Тебе, наверное, скучно тут сидеть. Хочешь, я принесу книгу?

Из темноты донесся короткий смешок.

— Мелкая, бежала бы ты отсюда подальше.

Я жалостливо посмотрела в темноту камеры. Обида ушла, уступив место простому сочувствию.

— Мне просто жалко тебя. Сидишь тут в темноте, совсем один. А как тебя зовут?

В камере воцарилось молчание. Мужчина тяжело вздохнул, и этот звук отчетливо донесся до меня сквозь деревянную прорезь.

— Каз, — глухо ответил он.

— А меня Ламира, — выпалила я и тут же замерла.

Дура! Я зажмурилась и несильно стукнула себя ладонью по лбу. Зачем я назвала ему свое настоящее имя? Теперь, если он расскажет кому-то из стражников о моем визите, отец точно все узнает.

Пленник, видимо, услышал мой тихий шепот.

— Не бойся, мелкая, — произнес Каз. — Я никому не скажу, что ты тайно пробралась ко мне.

— Правда? — я снова прильнула к окошку, пытаюсь поймать взгляд его скрытых тенью глаз.

— Да. Считай это нашим маленьким секретом.

— Спасибо, — я облегченно улыбнулась. — Тогда я завтра снова приду к тебе. И принесу книгу, чтобы тебе не было скучно.

Каз опять тихо рассмеялся, словно его забавляли мои обещания.

— До завтра! — шепнула я, оттолкнулась от тяжелой двери и со всех ног припустила назад по коридору. За спиной

доносилось тихое эхо его смеха.

Я аккуратно толкнула деревянную створку и выскочила из сырого коридора темницы. За дверью меня ждала Катария. На ее бледном лице отражался неподдельный испуг.

— Почему так долго? — взволнованно прошептала принцесса, хватая меня за плечи. — Я уже думала, что он сделал с тобой что-то ужасное. Хотела идти следом.

— Все в порядке, — так же тихо ответила я, переводя дыхание. — Он хороший.

Катария недоверчиво покачала головой.

— Пойдем скорее отсюда.

Мы двинулись в обратный путь по темному узкому лазу. Обувь снова скользила по сырым каменным ступеням. Подниматься вверх было труднее, подол длинного платья путался под ногами и цеплялся за выступы стен, мешая идти быстрее. Наконец мы добрались до тупика. Катария осторожно приоткрыла потайную деревянную панель и заглянула в щель, проверяя, нет ли кого в парадной галерее дворца.

Коридор был пуст.

Мы быстро скользнули наружу и вернули стену на место. Едва скрытый проход закрылся, мы со всех ног помчались к выходу из замка. Ткань юбок с тихим шорохом била по ногам.

Когда мы выскочили на открытую террасу, Райдер все еще оставался на тренировочной площадке. Заметив нас, он опустил меч и проводил нас долгим, подозрительным взглядом.

Мы не остановились и пронесли мимо, направляясь обратно к левадам.

У деревянного забора конюшни мы наконец затормозили. Мы обе тяжело дышали после быстрого бега. Жеребенок удивленно вскинул голову, разглядывая нас.

Катария оперлась ладонями о колени, пытаясь восстановить дыхание. Немного отдышавшись, она подняла на меня глаза:

— Ну что? Ты видела его?

— Да, — ответила я, оправляя помятые кружева. — Я же говорила тебе, что он хороший. Но он там совсем один, в темноте. Ему скучно.

Катария выпрямилась и строго посмотрела на меня.

— Даже не вздумай. Больше ты туда не пойдешь.

— Если захочу — пойду и без тебя, — я упрямо вздернула подбородок. — Теперь я сама знаю, где находится этот проход.

Подруга перехватила мое запястье. Ее ладонь была прохладной.

— Ламира, это по-настоящему опасно.

— Если бы он хотел обидеть меня, то сделал бы это сейчас, — я мягко высвободила руку.

— Он показал тебе крылья? — с любопытством спросила принцесса.

Я вздохнула и покачала головой.

— Нет. Но если я приду снова и принесу ему что-то вкус-

ное, тогда он точно согласится их показать.

Шорох гравия заставил нас обоих мгновенно обернуться. К конюшне со стороны сада приближался гвардеец в парадном доспехе. Мужчина остановился в паре шагов и вежливо склонил голову перед моей подугой.

— Ваше Высочество, — произнес он, а затем повернулся ко мне. — Ламира, твой отец просил передать, что совет затягивается. Он освободится слишком поздно и останется ночевать во дворце.

— Я тоже хочу остаться во дворце! — выпалила я.

Гвардеец сдержанно улыбнулся.

— Отец как раз просил узнать, хочешь ли ты провести эту ночь здесь или предпочитаешь, чтобы тебя отвезли домой под охраной.

— Я остаюсь! — я радостно посмотрела на Катарию.

— Ура! — принцесса захлопала в ладоши и подпрыгнула на месте. — Мы будем спать в моей комнате и полночи болтать!

Стражник еще раз поклонился.

— Я передам твое решение отцу. Хорошего вечера, юные леди.

Мужчина развернулся и зашагал обратно к замку. Я проводила его взглядом, чувствуя, как внутри разгорается азарт.

Мы с Катарией еще всю радувались, когда на тропинке показалась ее няня, Фрида. Она уверенно шагала к нам, поправляя строгий темный чепчик.

— Катария Торнвальд! Я ищу тебя уже четверть часа, — строго произнесла женщина, останавливаясь.

Подруга моментально перестала улыбаться.

— Только не говори, что опять урок.

— Именно это я и собиралась сказать. Наставник уже ждет тебя в библиотеке.

— Пожалуйста, не сегодня! — простонала Катария, опустив плечи. — Мы только начали играть. Давай завтра?

— Завтра у вас верховая езда и музыка, — отрезала Фрида, скрестив руки на груди. — А сегодня — история земель.

Катария обреченно закатила глаза и указала на меня.

— Но Ламира у меня в гостях! Я не могу ее бросить.

Няня перевела взгляд на меня. Я почему-то сразу поняла, что подруга только что совершила огромную ошибку. Лицо Фриды осталось непроницаемым.

— Тем лучше. Ламира пойдет с вами. Уверена, дочери Логана урок истории тоже не повредит.

— Что?! — вывалось у нас одновременно.

— В библиотеку, обе. Сейчас же, — Фрида указала рукой в сторону замка.

Катария схватила меня за руку и тихо простонала, пока мы плелись по дорожке:

— Лучше бы нас поймали в темнице.

Мы переглянулись и не выдержали — тихо прыснули со смеху, стараясь, чтобы идущая сзади няня ничего не услышала.

Няня довела нас до массивных дверей библиотеки, открыла их и жестом указала внутрь.

— Хорошего урока, девочки, — строго произнесла она, развернувшись и пошла обратно по коридору.

Мы с Катарией зашли в просторный зал, пахнущий старой бумагой и кожаными переплетами. Наставник дождался, пока мы усядемся за длинный дубовый стол, и развернул перед нами большую карту материка. Подруга тут же подперла щеку ладонью с таким видом, будто впереди ее ожидало самое страшное испытание в жизни.

Наставник взял деревянную указку и постучал по столу.

— На прошлом занятии мы остановились на разделении земель, — произнес он, проводя указкой по пожелтевшему пергаменту. — Катария, назовите три государства материка.

— Торендо, Астерис, Вальдар, — без особого энтузиазма отозвалась она.

— И кому они принадлежат?

Катария тяжело вздохнула.

— Торендо — людям, Астерис — астерийцам, Вальдар — вальдарцам.

— Хорошо, — кивнул учитель. — Сегодня мы продолжим разговор об Астерисе.

Я моментально подняла голову, забыв про скуку.

— Об астерийцах?

Наставник посмотрел на меня поверх раскрытой книги.

— Именно о них.

Катария покосилась на меня, незаметно толкнув коленом под столом.

— Ты чего так обрадовалась? — шепнула она.

— Ничего, — быстро ответила я и придвинулась ближе к столу, впиваясь глазами в карту.

Наставник указал на западную часть материка.

— Астерис занимает западные земли. Его народ значительно отличается от людей. Астерийцы живут гораздо дольше нас и обладают способностями, которых у человека нет. Главная из них связана со второй сущностью.

Я тут же перебила, подавшись вперед:

— А у всех астерийцев она есть?

Наставник стоял около карты, удерживая указку на весу. Он слегка постукивал деревянным наконечником по ладони, выжидая, пока я утихну.

— Да, Ламира. Каждый астериец рождается со второй сущностью. Однако проявляется она не сразу.

— А когда?

Катария повернулась ко мне, подперев подбородок.

— Ламира, ты никогда не задавала столько вопросов на уроках. С каких пор тебе стала интересна история?

— С сегодняшнего дня, — буркнула я, не сводя глаз с пожелтевшего пергамента, где западные земли были очерчены темными границами.

Учитель сухо кашлянул, призывая нас к порядку.

— Если вы позволите мне продолжить, возможно, вам не

придется спрашивать после каждого предложения.

Я послушно прикусила губу и затихла.

— Вторая сущность пробуждается по мере взросления, — продолжил наставник, и кончик указки плавно пополз по границе Астериса. — Вместе с ней проявляются индивидуальные способности. Они различаются у разных представителей этого народа. Кто-то обретает ментальные силы, кто-то — боевые.

Я смолчала всего несколько секунд. Мысль о пленнике в подвале не давала покоя.

— А крылья?

Катария тихо застонала и уронила лоб на ладонь. Наставник нахмурился, поверх очков разглядывая мою нетерпеливую позу.

— Что именно вас интересует, Ламира?

— У них правда есть крылья?

— Правда.

— У всех?

— Насколько нам известно, да.

— Почему их не видно постоянно? — я подалась еще ближе, едва не задевая локтем край стола.

— Крылья относятся исключительно ко второй сущности, — пояснил наставник, начиная сворачивать карту. — Астериец способен полностью скрывать их по своему желанию, делая их неосязаемыми для окружающих. Нам они кажутся обычными людьми, пока сами не захотят явить истинный

облик.

Рассуждения учителя сложились в четкую картинку. Значит, Каз не обманул меня. Крылья у него были. Он просто не показал мне свой истинный облик.

— А что еще умеет их вторая сущность? — спросила я, провожая взглядом сворачиваемый пергамент.

— Это зависит от самого астерийца, — наставник опустил карту на край стола. — Их способности разные.

— Они могут читать мысли?

— Нет, — покачал головой учитель. — Мысли скрыты от них так же, как и от нас.

Напряжение немного отпустило, но вопросы в голове не заканчивались.

— А чувствовать... Ну, чувствовать, что испытывает другой человек?

Наставник задержал на мне внимательный взгляд. Он медленно положил указку на стол.

— Некоторые, согласно нашим сведениям, способны ощущать сильные эмоции окружающих.

Я замерла. Значит, Каз не врал. Он действительно уловил то, что происходило со мной у двери камеры.

— Страх тоже? — тихо сорвалось с моих губ.

— В особенности страх, — подтвердил наставник. — Это самая сильная и яркая эмоция.

Катария, которая до этого откровенно скучала, вдруг выпрямилась. Сонливость с нее слетела. Она подалась к столу:

— Если они почти бессмертны, умеют летать и обладают магией, почему тогда они до сих пор не захватили Торендо?

Наставник одобрительно кивнул принцессе.

— Хороший вопрос, Катария. Потому что бессмертие не означает неуязвимость. Астерийца можно убить.

— Как? — тут же вырвалось у меня.

— Так же, как и обычного человека, — просто ответил учитель. — От сильного удара мечом или потери крови их магия не спасет. Кроме того, астерийцы не заинтересованы в завоевании Торендо. Их земли богаты собственными ресурсами. И нынешний правитель Тардан на протяжении долгих лет находится в состоянии затяжной войны с Вальдаром. Им просто не до нас.

— Тогда почему на границе постоянно происходят стычки? — спросила Катария, переводя взгляд с наставника на свернутую карту. — Я слышала, что солдаты до сих пор сталкиваются там.

Учитель тяжело вздохнул и оперся руками о край стола.

— Это отголоски прошлого, Катария. Во времена правления твоего дедушки агрессия исходила именно от людей. Королю нужно было кое-что на чужих землях. Что-то, о чем до сих пор никто толком не знает. Он постоянно отправлял отряды за границу и разжигал этот конфликт.

Наставник замолчал, поправляя воротник сюртука, а затем продолжил тише:

— Твоего дедушки давно нет. Твой отец, наш нынешний

правитель, не делает ничего подобного. Но взаимная ненависть между людьми и астерийцами крепла десятилетиями. Ее нельзя стереть за один день. Обычные солдаты на рубежах по-прежнему видят друг в друге врагов, поэтому стычки и продолжаются. Однако сам король Сайрус совершенно не заинтересован в полноценной войне. И, судя по всему, правитель Тардан тоже ее не хочет.

Я посмотрела на наставника. В голове не укладывался простой факт: если оба правителя так сильно хотят мира, почему брат правителя Астериса сидит в темнице? Здесь явно крылось какое-то противоречие. Наставник либо чего-то не знал, либо осознанно нам врал.

Дальнейший рассказ учителя про земли Вальдара пролетел мимо нас. Катария снова уперлась подбородком в ладонь и откровенно дремала, изредка вздрагивая. Я тоже почти не слушала.

Наставник что-то монотонно объяснял про звериные обороты вальдарцев, про их законы и какие-то загадочные истинные пары. Мне было все равно. Все мои мысли крутились вокруг темной подземной камеры и Каза. Способность чувствовать страх, скрытые крылья, нежелание воевать — образ пленного астерийца полностью вытеснил из головы школьный урок.

Я окончательно ушла в свои мысли, бездумно разглядывая узоры на дубовой столешнице. Реальность вернулась ко мне только вместе со стуком деревянной указки.

— На сегодня урок окончен, юные леди, — громко произнес наставник, собирая разбросанные по столу бумаги.

Я вздрогнула, вскочила на ноги и тут же дернула Катарю за рукав платья. Подруга вскинулась, растерянно моргая, будто только что очнулась от глубокого сна. Я схватила ее за руку, и мы торопливо пошагали прочь из душного зала. Оставив позади тяжелые двери библиотеки, мы припустили по коридорам западного крыла. Каблуки наших туфель гулко стучали по паркету, пока мы не пронеслись мимо заспанного стражника у арки и не выскочили на свежий воздух.

Мы остановились посреди дворцового сада. Дневной зной уже спал, и от клумб с раскрывшимися бутонами роз тянуло прохладой. Я повернулась к подруге, пытаюсь уложить в голове все услышанное на уроке.

— Значит, они не плохие, — уверенно произнесла я. — И я была права.

Катария удивленно нахмурилась, откидывая темную прядь с лица.

— О чем ты вообще говоришь?

— Ну сама подумай! Никто не хочет войны. Наш король хочет мира, их правитель Тардан тоже. Значит, здесь нет плохих. И значит, Каз тоже не плохой.

— Каз? — Катария округлила глаза и даже сделала шаг назад. — Он что, назвал тебе свое имя?

— Да.

Принцесса смерила меня долгим, встревоженным взгля-

дом. Ее ладонь легла на кованую спинку садовой скамейки.

— Ламира... Я очень надеюсь, что ты не сказала ему, кто ты.

Я почувствовала, как к щекам снова подступает жар. Я опустила голову и принялась носком туфли ковырять мелкий гравий на дорожке.

— Ну... у меня само вырвалось. Я случайно. Честное слово, я не хотела! Не знаю, как так получилось.

— Ламира! Ты с ума сошла? — Катария всплеснула руками. — А если он расскажет стражникам или надзирателям? Нам же с тобой так влетит от отцов!

— Не влетит, — я упрямо посмотрела на нее. — Он пообещал, что это будет наш маленький секрет. И я ему верю.

Катария тяжело вздохнула, понимая, что ругаться уже поздно. Она провела ладонью по гладким зеленым листьям ближайшего куста.

— Надеюсь, твой астериец действительно держит слово.

Оставшуюся часть дня мы провели в саду, стараясь больше не вспоминать о мрачных подземельях. Дворцовый парк был огромным. Мы бродили по узким лабиринтам из аккуратно подстриженного кустарника, собирали опавшие лепестки белых пионов и плели из них неровные венки, которые постоянно разваливались. Чуть позже мы перебрались к небольшому каменному фонтану в самом центре сада. Мы устроились на прохладном мраморном бортике, болтая ногами и пуская по воде бумажные кораблики, сорванные с по-

лей старой тетради Катарины. Солнце медленно опускалось за горизонт, окрашивая верхушки деревьев в золотистые тона. Садовники уже начали зажигать первые масляные фонари вдоль дорожек, а из окон кухни потянуло ароматом запеченного мяса и сдобных булочек с корицей.

Глава 3

Сквозь высокие окна спальни проникал бледный предрасветный свет. Катария спала рядом, зарывшись носом в кружевную подушку и тихо сопя. Я осторожно сбросила одеяло, стараясь не скрипеть пружинами огромной королевской кровати, и опустила ноги на холодный паркет. Свежесть утреннего воздуха моментально прогнала остатки сна.

Я на цыпочках подошла к стулу, где висело мое дневное платье. Пришлось застегивать мелкие пуговицы на спине самой, изгибая руки под немыслимыми углами и задерживая дыхание от усердия. Обувь я решила не надевать сразу — взяла туфли в руку, чтобы не стучать подошвами по коридорам.

На невысокой полке у двери лежала стопка книг Катарии. На самом верху покоился пухлый том в потрепанном синем переплете с выцветшим золотым тиснением. Я присмотрелась к буквам — «Сказание о принцессе и драконе южных земель». То, что нужно. Книга была небрежно перехвачена матерчатой лентой. Я прижала ее к груди, бесшумно приоткрыла тяжелую дверь покоев и выскользнула в полумрак коридора.

Только спустившись в парадный холл, я обулась и побегала в сторону дворцовой кухни. Из-за полуоткрытых дверей уже доносился сытный запах топленого масла, свежего

хлеба и жареного бекона.

Я робко переступила порог. На кухне вовсю кипела работа. Поварята таскали тяжелые медные тазы, а у огромной печи сутилась толстая кухарка с испачканным мукой фартуком. Заметив меня, она удивленно замерла, удерживая в руке большую деревянную ложку.

— Госпожа Ламира? — женщина опустила ложку и вытерла руки о край передника. — Что вы здесь делаете в такую рань? Вы чего-то хотите?

— Доброе утро, — я постаралась придать голосу как можно больше невинности и сделала шаг ближе к длинному разделочному столу. — Я просто очень проголодалась.

Мой взгляд моментально зацепился за плетеную корзинку, доверху наполненную свежими сладостями. Там лежали круглые булочки, густо политые сахарной глазурью и посыпанные корицей.

— Ох, милая, но ведь завтрак для вас с принцессой будет готов уже скоро! — повариха всплеснула руками, заметив, как я протягиваю ладонь к выпечке. — Не таскайте куски, вы же перебьете себе весь аппетит перед овсянкой.

— Я съем совсем чуть-чуть, честное слово! — я быстро схватила две самые большие булочки, спрятав одну прямо за спину вместе с книгой, а вторую демонстративно надкусив.

Кухарка лишь обреченно покачала головой и отвернулась к шкворчащей сковороде. Я, не теряя ни секунды, выскочила с кухни и помчалась по переходам к западному крылу двор-

ца. Корица приятно щекотала нос, а теплая глазурь уже начала липнуть к пальцам.

Добежав до знакомой деревянной панели, я затормозила. Сердце колотилось в горле. Я лихорадочно огляделась по сторонам — длинная галерея была абсолютно пуста. Все стражники, видимо, меняли караул на внешних постах.

Я нащупала скрытый рычажок под резьбой, надавила, и потайная дверь бесшумно подалась назад. Я скользнула внутрь темного прохода.

Панель со щелчком встала на место, отрезая меня от просыпающегося дворца. Я снова оказалась в узком лабиринте, пахнущем сухой штукатуркой и старым камнем. Двигаться с книгой и липкими булочками в руках было крайне неудобно, подол платья то и дело терся о холодную кладку.

Я аккуратно спустилась по скользким каменным ступеням крутого поворота, чувствуя, как воздух вокруг становится все более сырым и тяжелым. Шаг за шагом я приближалась к цели, пока не остановилась перед массивной деревянной дверью, окованной железом. За ней меня ждал коридор нижних темниц и Каз.

Я толкнула окованную дверь и тихонько зашла в прохладный коридор подземелья. Шаги по каменным плитам давались легче, ведь теперь я знала дорогу. Подойдя к нужной камере, я поднялась на цыпочки и заглянула в узкое окошко.

Каз сидел на прежнем месте. Из темноты угла донесся шорох. Он поднял голову. Лица я по-прежнему не видела, но

кожей ощутила его внимательный взгляд.

— Каз, ты не врал, — выдохнула я, прижимаясь к деревянному косяку.

Из глубины камеры донесся короткий смешок.

— Наставник на уроке рассказал про астерийцев, — то-ропливо продолжила я, боясь, что нас прервут. — Это правда. У тебя есть вторая сущность. И крылья тоже есть, ты просто их спрятал.

— Я никогда не вру, мелкая, — ровно ответил он. — В этом нет нужды.

Я улыбнулась и вытащила из-за спины добычу.

— Вот. Я принесла тебе булочку. Она с корицей, еще теплая.

Я протиснула выпечку сквозь узкие железные прутья смотровой решетки. Крупные пальцы Каза аккуратно перехватили угощение, и булочка исчезла в темноте. Запах сладкой глазури моментально смешался с сыростью подвала.

— А еще я принесла книгу, — я с гордостью продемонстрировала пухлый том в синем переплете. — Чтобы тебе не было скучно.

Каз помолчал, а затем в его голосе снова послышалась легкая ирония:

— Мне интересно, как именно я буду ее читать? В моей камере, если ты не заметила, совсем темно.

Я растерянно моргнула, глядя на глухую черную пустоту за решеткой. Об этом я как-то не подумала.

— Хорошо, — я вздохнула и крепче перехватила переплет. — Тогда я сама тебе почитаю.

Я опустилась прямо на холодный каменный пол коридора, облокотилась спиной о его тяжелую дубовую дверь и расправила подол платья. Открыв книгу примерно посередине, я поймала полоску света от коридорного факела и с выражением начала чтение:

— «И тогда прекрасный принц, закованный в тяжелые цепи злого колдуна, опустился на колени в самой мрачной и темной башне. Его сердце разрывалось от тоски по прекрасной принцессе...»

Из-за двери донесся отчетливый, сдавленный смешок. Каз явно не смог сдержаться.

— Эй! — я возмущенно постучала кулаком по дубовой доске за спиной. — Не смейся, это хорошая сказка! И вообще, этот принц прямо как ты. Ты ведь тоже сидишь в темнице.

— Мелкая, — позвал Каз, и в его голосе звеняще проступило откровенное веселье. — Я далеко не прекрасный принц. И спасти принцесс точно не в моих планах.

— Слушай дальше! — упрямо буркнула я и вернулась к строчкам. — «...Но колдун не знал, что под человеческим обликом принца скрывается могущественный дракон. Настанет час, оковы падут, он расправит свои огромные крылья, сокрушит стены темницы и спасет свою возлюбленную!»

— Сказочный принц, значит, — донесся из темноты его

голос. — Очень познавательная история. Как раз для моего нынешнего положения.

Я захлопнула книгу, поднялась с пола и снова прильнула к деревянному окошку, упрямо глядя в черную пустоту камеры.

— А что, если бы я оказалась в опасности, ты бы меня не спас? — спросила я. — Ты ведь сильный.

В подземелье воцарилась тишина. Секунды тянулись, прерываемые лишь далеким треском факела. Мне показалось, что Каз даже перестал шевелиться, обдумывая мой вопрос.

— Спас бы, мелкая, — ответил он.

Этот тон сильно отличался от его привычной циничной усмешки. В голосе молодого воина прозвучала странная, почти глухая серьезность.

Я довольно улыбнулась.

— Ну вот видишь! Значит, ты все-таки похож на него. Тоже сидишь в темнице и тоже защитил бы меня.

— Мелкая, — Каз едва слышно вздохнул. По звуку голоса я поняла, что он наклонил голову набок, просто разглядывая меня из своего темного угла. — Тебе заняться нечем? Зачем ты вообще бегаешь сюда?

— Ну... ты же тут совсем один, — я опустила взгляд на деревянную раму окна. — Тебе, наверное, страшно.

Я замолчала, вспоминая то, о чем так долго пыталась забыть.

— Когда моя мама умерла, отец постоянно пропадал в де-

лах. Я часто оставалась одна в огромном пустом доме. И мне было очень страшно. Я просто не хочу, чтобы тебе сейчас тоже было так.

За дверью послышался долгий, тяжелый вздох. Каз ничего не ответил, но эта тишина больше не казалась мне пугающей или враждебной. Наоборот, она стала какой-то спокойной. Пленник просто молчал, слушая мое тихое дыхание у окошка.

— Мне пора бежать, — тихо произнесла я, вспомнив про оставленную в постели Катарию. — Нужно вернуться, пока никто во дворце не заметил, что я пропала.

Я аккуратно прижала к груди синий книжный переплет.

— Но я попробую сегодня сбежать и прийти к тебе еще раз. Принесу еще что-нибудь вкусное из кухни.

В темноте камеры снова воцарилось молчание, но уже через пару секунд Каз ответил. В его голосе не осталось прежней отстраненности.

— Я буду ждать тебя, Ламира, — произнес он.

Я улыбнулась, чувствуя, как уходит остаток утренней тревоги.

— Я обязательно приду. Не хочу, чтобы ты сидел здесь один.

Из-за дубовой двери донесся едва слышный, уже знакомый мне смешок. Оттолкнувшись от косяка, я со всех ног припустила обратно по темному коридору темницы.

Добежав до конца, толкнула окованную железом створку,

взлетела по скользким каменным ступеням и быстро преодолела узкий потайной лаз. Перед выходом в парадную галерею я замерла, приоткрыла деревянную панель и осмотрелась. Никого. Скользнув в коридор, я плавно надавила на резьбу, и стена бесшумно встала на место.

Я развернулась, собираясь со всех ног припустить обратно в покои принцессы, и со всего размаху врезалась в кого-то грудью. От неожиданности я едва не выронила пухлый том сказок.

Я испуганно вскинула голову. Передо мной стоял Райдер, скрестив руки на груди.

— Райдер! — выдохнула я, отступая на шаг и пряча книгу за спину. — Ты меня напугал!

Он подозрительно прищурил свои голубые глаза, переводя взгляд с меня на глухую деревянную панель позади.

— Что ты тут делаешь в такую рань, Ламира? — строго спросил он.

— Я просто рано проснулась, — быстро заговорила я, выставляя перед собой синий том. — Лежала, читала, а потом проголодалась и решила сходить на кухню.

Я демонстративно помахала книгой. Райдер опустил руки. Его подозрительность сменилась привычной мягкостью. Он шагнул ближе и крепко потрепал меня по волосам, которые и так были растрепаны после сна.

— Опять сладкое таскала до завтрака? — усмехнулся он.

— Ай, Райдер, перестань! — я мотнула головой, уворачачи-

ваясь от его ладони.

— Ты всегда так делаешь, — он улыбнулся.

— Неправда! Не всегда. А ты чего так рано на ногах?

— Тренировка, — пожал он плечами. — Сама знаешь, какой у меня график. Расслабляться нельзя.

Я прижала сказки к груди, стараясь говорить непринужденнее:

— Ты не знаешь, где мой отец?

Лицо Райдера посерьезнело. Он бросил короткий взгляд в сторону парадной лестницы.

— Скоро во дворец придут важные гости. Твой отец вместе с королем сейчас готовятся к этой встрече.

— Опять он будет занят до самого вечера, — обреченно вздохнула я.

— Возможно. Но во дворце тебе скучать не дадут.

— Ладно. Пойду обратно к Катарии. Может, она уже проснулась.

Я сделала шаг в сторону коридора, но юноша окликнул меня:

— Если освобожусь пораньше, то позже приду поиграть с вами. Постреляем из лука в саду. Идет?

Я улыбнулась.

— Буду ждать!

Райдер снова коротко взъерошил мне макушку.

— Ну все, беги.

— Ай, ну Райдер! — я шутливо замахнулась на него

книжкой, рассмеялась и со всех ног помчалась по коридору обратно.

Я добежала до покоев принцессы, тихо приоткрыла дверь и скользнула внутрь. Катария уже проснулась. Она сидела на постели, кутаясь в одеяло, и растрепанные темные волосы падали ей на лицо.

— Ламира, ты где была? — спросила она, протирая глаза.

— Просто на кухню бегала, проголодалась, — соврала я. Говорить про темницу и новую встречу с Казом я не стала, иначе Катария точно начала бы ругаться или вовсе заперла бы меня в комнате.

Подруга подозрительно прищурилась и только открыла рот, чтобы расспросить меня подробнее, как в дверь вежливо, но настойчиво постучали.

— Войдите, — громко крикнула Катария.

Створки распахнулись, и в спальню вошли три служанки. В руках они несли чистые полотенца, кувшины с теплой водой и новые накрахмаленные платья.

— Мы пришли привести вас в порядок, юные леди, — старшая из них склонила голову в коротком поклоне.

Утро завертелось в привычной дворцовой суете. Нас по очереди отвели в купальню, отмывая остатки сна и коричневой глазури с моих пальцев. Затем служанки долго расчесывали наши запутавшиеся пряди, заплетая их в аккуратные косы, и помогли надеть тяжелые дневные наряды.

К завтраку мы были полностью готовы. Туфли синхронно

стучали по ступеням парадной лестницы, пока мы спускались в просторный холл. Там, у подножия, о чем-то негромко переговаривались мой отец и король Сайрус. Правитель выглядел собранным, его парадный камзол украшала золотая вышивка, а на поясе висел церемониальный кинжал.

Катария тут же подбежала к отцу. Король Сайрус прервал разговор, тепло улыбнулся и поцеловал дочь в макушку. Я вежливо склонилась в поклоне перед правителем, как учил меня наставник, а затем подошла к своему отцу. Он притянул меня к себе и тоже коротко поцеловал.

— Доброе утро, девочки, — произнес король Сайрус, окинув нас взглядом. — Идите завтракать. У нас с Логаном впереди много важных дел.

Мы послушно кивнули и направились по коридору в сторону обеденного зала. Катария резко затормозила у тяжелых дубовых дверей.

— Ламира, постой, — шепнула она, хватая меня за локоть. — Что-то тут не так. Отец выглядел слишком напряженным. Да и твой тоже.

Я согласно кивнула. Предчувствие чего-то важного заставило нас позабыть про голод. Мы потянулись к тяжелым ручкам, беззвучно приоткрыли створки обеденного зала и замерли в узкой щели, уставившись вглубь холла на оставшихся там отцов.

Парадные двери в конце холла с грохотом распахнулись. Стражник в серебряных доспехах шагнул вперед, вытягива-

ясь в струну, и его зычный голос разнесся под высокими сводами:

— Его Величество Тардан Кронгард, правитель Астериса!

Мы с Катарией замерли, едва смея втягивать воздух, и еще сильнее прильнули к щели приоткрытой двери.

В холл вошел мужчина. Высокий, широкоплечий, с короткими темными волосами. Вопреки моим ожиданиям, на нем не было ни короны, ни тяжелой мантии — лишь простая темная рубашка с расстегнутым воротом и строгие брюки. Одну руку он держал в кармане. Остановившись в нескольких шагах от короля Сайруса и моего отца, он небрежно опустил в карман и вторую руку, окинув хозяев замка спокойным, изучающим взглядом. От всей его фигуры веяло такой уверенностью, что в холле мгновенно воцарилась мертвая тишина.

— Катария, это Тардан... — едва слышно прошептала я, чувствуя, как холодеют кончики пальцев.

— Я вижу, — так же тихо отозвалась принцесса.

Вдруг правитель Астериса повернул голову в нашу сторону. Его взгляд безошибочно нашел узкую щель между дубовыми створками.

Я оцепенела. У него были безупречные, словно высеченные из мрамора холодные черты лица, но по-настоящему пугали глаза. Радужка оказалась полностью черной, и внутри нее лениво шевелились живые, густые тени, а зрачки были вертикальными, как у хищной рептилии. Этот взгляд казался абсолютно нечеловеческим. От линии челюсти вниз по

шее уходил сложный черный узор, напоминающий переплетение лоз, и скрывался под тканью рубашки.

Тардан слегка прищурил свои жуткие глаза, разглядывая нас, а затем так же неторопливо отвернулся обратно к отцам. У меня едва земля не ушла из-под ног от этого секундного внимания.

Но следом за правителем Астериса в холл вошел второй мужчина. Он тоже был темноволосым и высоким, но воздух вокруг него казался физически плотным, словно наэлектризованным. Когда он повернул голову к нашей двери, я с трудом подавила выдох. Его глаза были темно-синими, и в глубине этих омутов то и дело вспыхивали настоящие, крошечные молнии. От висков к линии роста волос уходили тонкие темные полосы, похожие на застывшие разряды грозы, и такие же ломаные линии покрывали его шею.

Короткий взгляд синих глаз, наполненных грозовой магией, припечатал нас к месту.

Катария резко ахнула, потянула створку на себя и с глухим стуком закрыла дверь обеденного зала, отрезая нас от страшных гостей. Подруга прижалась спиной к дереву и посмотрела на меня широко раскрытыми глазами.

— Ламира... — выдохнула принцесса, прижимая ладонь к груди. — Какие же они жуткие.

Я лишь молча кивнула, не в силах вытолкнуть из себя ни слова. Колени все еще подкашивались от пережитого ужаса, а перед глазами до сих пор стояли эти черные живые тени в

его глазах и жуткие вертикальные зрачки.

— Ваше Высочество, госпожа Ламира, — раздался ровный голос старшей кухарки у длинного стола. — Прошу вас, присаживайтесь. Всё уже подано.

Мы послушно оторвались от дубовых створок и прошли к своим местам. Горничные беззвучно расставили перед нами фарфоровые тарелки с горячей овсянкой, политой медом, и пиалы со свежими ягодами, но ни я, ни Катария не притронулись к еде сразу. Завтрак начался в полном молчании. Каждая из нас ушла в свои мысли. Я бездумно ковыряла ложкой кашу, понимая, что никогда в жизни не видела столь жутких, нечеловеческих существ. Если таков их правитель, то кем на самом деле является Каз, запертый в сыром подвале?

Дверь обеденного зала скрипнула. Я вскинула голову. На пороге появился Райдер, уже сменивший тренировочную одежду на чистую рубашку и брюки. Он уверенно прошел через зал и сел на свободный стул напротив нас, кивнув служанке, чтобы та налила ему травяного чая.

Я подняла на него глаза, стараясь, чтобы голос не дрожал: — Райдер... А отец и король всё еще в холле?

— Нет, — он покачал головой и потянулся за куском свежего хлеба. — Они уже в кабинете. Встреча началась.

Значит, гостей уже не было в холле. Мне должно было стать легче, но пальцы всё равно едва заметно тряслись, когда я пыталась удержать чашку с соком.

Райдер нахмурился, переводя внимательный взгляд с мо-

их рук на бледное лицо Катарины.

— С вами всё в порядке? — спросил он.

Мы с принцессой синхронно замотали головами, едва не задевая воротники платьев.

— Да-да, всё хорошо! Всё в порядке! — хором выпалили мы, переглянувшись.

Райдер подозрительно прищурился, но расспрашивать не стал. Дальнейший завтрак прошел в гробовой тишине. Слышался только тихий звон столового серебра о фарфор. Я изредка косилась на Катарину и видела, что подругу до сих пор бьет мелкая дрожь. Увиденное в щель двери полностью отбило у нас обеих аппетит.

Когда тарелки были отодвинуты, я повернулась к Райдеру: — Райдер, а когда мой отец освободится?

Лицо юноши потемнело. Он сжал пальцы вокруг рукояти своего столового ножа так сильно, что побелели костяшки. В его лазурных глазах проступила злость.

— Скоро, Ламира, — процедил он. — Наш правитель прямо сейчас сдает позиции. Они забирают своего пленного. Отец решил отпустить этого астерийца ради мирного договора. Переговоры скоро завершатся.

Я замерла, опустив руки на колени. Смысл его слов дошел до меня не сразу. Каза отпускают. Я больше его никогда не увижу.

Завтрак продолжался в полной тишине, нарушаемой лишь негромким стуком посуды. Больше никто не проронил

ни слова.

— Мне нужно отойти, — первая поднялась я из-за стола, лихорадочно соображая на ходу. — В уборную.

— Мы будем ждать тебя здесь, — Катария кивнула, отставляя чашку. — А потом сразу пойдем гулять в сад.

— Да, беги, мелкая. Я попозже присоединюсь к вам, — бросил Райдер, потянувшись за очередной булочкой.

Быстрым шагом я направилась к выходу, стараясь не бежать, пока спину пекло от их взглядов. Стоило оказаться за дверью обеденного зала, как ноги сами помчались по знакомым коридорам к западному крылу. Панель бесшумно поддалась под пальцами, и я скользнула внутрь прохода, сразу же возвращая стену на место.

В темноте лаза я неслась почти вслепую, едва не сбивая дыхание и хватаясь руками за выступы. Единственная мысль стучала в голове: только бы успеть. Только бы успеть попроситься с ним, пока его не вывели во двор к прибывшим астерийцам.

Преодолев крутые ступени поворота, я замерла перед окантованной дверью темницы. Осторожно, затаив дыхание, приоткрыла ее на несколько дюймов и заглянула в щель. Коридор подвала встретил меня мертвой тишиной. Ни надзирателей, ни гвардейцев.

Стоило сделать шаг вперед и посмотреть в самый конец, как сердце пропустило удар. Тяжелая, сплошная дверь его камеры была распахнута настежь.

Страх сковал ноги, но я заставила себя двигаться. Каждый шорох туфель эхом отдавался от сырых стен. Подойдя к порогу, я заглянула внутрь.

Камера была абсолютно пуста. Каза здесь больше не было. Острая обида тяжелым комом подступила к горлу. Глаза защипало от разочарования. Он ушел. Ушел, так и не дождавшись меня, не попрощавшись, не показав свои крылья, которые я так сильно хотела увидеть. Я опоздала.

Я обреченно опустила голову. Взгляд упал на пустые грязные плиты, и вдруг в самом углу, куда падал свет от коридорного факела, я заметила едва уловимое крошечное сверкание.

Опустившись на корточки, я протянула руку и подобрала с пола холодный металл. Это была тонкая, прочная цепочка с небольшим круглым амулетом.

Торопливо выбежав из мрачной камеры обратно в коридор, я подошла ближе к факелу, чтобы рассмотреть находку. Повернув гладкий медальон в свете пламени, я ахнула. На его поверхности, прямо под стеклянным покрытием, проступили тончайшие серебряные линии. При определенном наклоне они складывались в величественные шпили и стены — я помнила это изображение по учебникам истории. Это был замок Астериса.

Перевернув амулет на другую сторону, на металле я обна-

ружила черную, аккуратную гравировку — букву К.

Каз. Он не забыл про меня. Он оставил эту вещь здесь специально, зная, что я вернусь.

Кулон тут же оказался крепко зажат в моем кулаке. Я прижала руку к груди, ощущая, как холодный металл постепенно согревается от тепла кожи. Страх и обида моментально исчезли, уступая место чистой радости. Я пообещала себе, что теперь буду носить этот амулет всегда, спрятав под платьем, и никогда не сниму.

Глава 4

Торендо. Ламуре двадцать лет.

Подол длинного дорожного платья путался в ногах, но я лишь сильнее перехватывала ткань, ускоряя шаг. Туфли на каблуках звонко и часто стучали по мраморным плитам дворцовой галереи. Мимо мелькали знакомые гобелены, высокие стрельчатые окна и застывшие у стен стражники, но я не замечала ничего вокруг.

Целая неделя. Семь бесконечных дней на побережье, в нашем уединенном приморском поместье, куда пришлось уехать ради отдыха младшей сестры. Аделия часами сидела у кромки воды, собирая ракушки, пока я мерила шагами веранду и считала часы до возвращения в столицу. Вся эта поездка превратилась в сплошное, изнурительное ожидание. Скука и тоска по дворцу не давали дышать.

Я свернула в правое крыло и остановилась возле массивной дубовой двери. Сердце колотилось в самом горле. Судорожно выдохнув, я потянула на себя тяжелую медную ручку и шагнула внутрь кабинета.

У высокого окна, залитого дневным светом, спиной ко мне стоял мужчина. Широкие плечи, обтянутые чистой белой рубашкой, строгие темные брюки. Услышав скрип петель, он неторопливо повернулся.

Я не выдержала. Захлопнув за собой дверь, я бросилась через комнату и с ходу влетела в его объятия. Сильные руки мгновенно перехватили мою талию, отрывая от пола. Райдер прижал меня к себе так крепко, что из легких выбило остатки воздуха. Его ладонь легла на мою шею сзади, пальцы запутались в русых волосах, властно притягивая мое лицо ближе.

— Я скучал, Ламира, — глухо произнес он мне в самые губы.

— Я тоже ужасно соскучилась, Райдер, — выдохнула я, утыкаясь носом в его подбородок.

Он не дал мне договорить. Его губы накрыли мои в голодном, требовательном поцелуе. Райдер целовал меня жадно, с напором, сразу сменяя любое сопротивление и заставляя голову идти кругом. Горячий язык уверенно ворвался в мой рот, сплетаясь с моим, захватывая инициативу и подчиняя себе. В этом порыве не было деликатности — только накопившаяся за неделю дикая жажда. Я крепче обхватила его шею, отвечая на этот напор со всей страстью, на которую была способна.

Райдер отстранился первым. Его дыхание было тяжелым, а потемневшие глаза выдавали то томительное нетерпение, которое копилось все эти дни. Не говоря ни слова, он крепко перехватил мое запястье и потянул за собой к выходу из кабинета.

— Райдер, куда мы? — я не сдержалась и тихо рассмеялась, едва поспевая за его широкими шагами.

— Я неделю сходил с ума без тебя, — бросил он через плечо, даже не замедляя ход.

Мы выскочили в безлюдный коридор. Райдер уверенно вел меня мимо пустующих галерей, а затем увлек вверх по винтовой лестнице, ведущей в самую уединенную часть замка. Каблуки моих туфель то и дело стучали по каменным ступеням, а свободная рука придерживала край платья. Поднявшись на верхний ярус, он толкнул тяжелую дверь и завел меня в свои покои, тут же запирая дверь на засов.

Стоило створкам закрыться, как Райдер развернул меня и резко прижал спиной к стене. Его губы мгновенно нашли мою шею. Горячие, требовательные поцелуи обжигали кожу, заставляя голову идти кругом, а губы сами растягивались в блаженной улыбке. Пальцы Райдера уже лихорадочно шарили по спине, расстегивая мелкие пуговицы дорожного наряда. Тяжелая ткань платья поддалась, сползая с плеч.

Он отстранился на секунду, тяжело дыша. Его ладонь легла на мой подбородок, заставляя поднять голову и посмотреть ему прямо в глаза.

— Больше я тебя никуда не отпущу, — твердо, почти зло произнес он.

Я снова тихо рассмеялась, обвивая руками его шею:

— Это была всего лишь неделя, Райдер.

— И этой чертовой недели мне хватило, — отрезал он, вновь накрывая мои губы поцелуем.

Мои пальцы перебрались к пуговицам его рубашки, дер-

гая плотную ткань. Райдер в это же время окончательно справился с застежками моего платья. Тяжелый дорожный бархат вместе с нижней юбкой плавно скользнул вниз по бедрам, ворохом оседая у моих ног. На мне осталось только тонкое нижнее белье. Последним резким движением я сдернула рубашку с его широких плеч, и она полетела на пол следом за моим нарядом.

Райдер на секунду замер. Он медленно провел кончиками пальцев по моей шее, спускаясь к ключицам.

— Ты всегда будешь принадлежать только мне, Ламира,
— хрипло произнес он, разглядывая меня.

Его сильные ладони легли мне на талию. Райдер легко приподнял меня, прижимая к своему обнаженному торсу. Я инстинктивно обхватила ногами его талию, удерживаясь на нем. Сделав несколько быстрых шагов, он перенес меня к огромной кровати и аккуратно опустил на прохладные простыни, сразу же нависая сверху.

Его губы принялись методично покрывать поцелуями мою кожу, спускаясь от подбородка к шее и груди. От этих прикосновений по телу пошла волна тепла, и я тихо рассмеялась, запуская пальцы в его темные волосы:

— Что ты делаешь, Райдер?

— Хочу тебя всю, без остатка, — ответил он между поцелуями, продвигаясь все ниже, к животу. — Каждую деталь этого тела.

Его руки уверенно опустились на мои бедра. Одним рез-

ким, нетерпеливым движением Райдер сорвал с меня трусики, отбрасывая их в сторону, и мягко развел мои ноги. Стоило его горячим губам прильнуть к моей налившейся плоти, как я судорожно сжала пальцами шелковую простыню. Он действовал уверенно и жадно. Его язык властно толкнулся внутрь, сминая нежные складочки кожи, лаская самую чувствительную точку и чередуя глубокие толчки с дразнящими поцелуями. Рассудок мгновенно затуманился, когда он принялся медленно посасывать плоть, доводя меня до полного безумия. Я закусила губу, выгибаясь навстречу его губам и полностью отдаваясь этому рваному, изнуряющему ритму, пока Райдер продолжал подчинять меня себе.

Райдер отстранился. Я осталась лежать на простынях, пытаясь выровнять дыхание, пока к щекам прилиwała кровь от почти достигнутой разрядки. Тело буквально горело от нетерпения.

Он поднялся на колени, не сводя с меня потемневшего взгляда, и его пальцы легли на бляшку тяжелого кожаного ремня. Металл негромко звякнул в тишине комнаты.

— Моя королева, — произнес он, и в его голосе послышалась хриплая, собственническая усмешка.

Я слабо улыбнулась, откидывая растрепанные русые пряди с лица:

— Я не королева, Райдер.

— Для меня — единственная, — отрезал он, расстегивая брюки и торопливо избавляясь от остатков одежды.

Он подался вперед, перехватил мои лодыжки и одним уверенным движением притянул меня к самому краю кровати. Его ладонь скользнула вверх по шее, пальцы мягко зафиксировали мое горло, не сдавливая, а лишь заставляя запрокинуть голову. Райдер подался вперед и плотно вошел внутрь. Из моей груди вырвался первый рваный стон.

Он начал двигаться — глубоко, размеренно и мощно, задавая изнуряющий темп. Я инстинктивно подалась навстречу, крепко обхватывая его плечи. Свободная рука Райдера скользнула к моей груди, сжимая податливую плоть и заставляя меня выгибаться сильнее. Каждое его движение отзывалось внутри нестерпимым жаром. В какой-то момент он перехватил меня за талию, приподнимая, а второй рукой зафиксировал затылок, властно впиваясь в мои губы мокрым, голодным поцелуем.

Ритм ускорился. Напряжение внутри достигло предела, и я шумно выдохнула, содрагаясь всем телом от мощной вспышки оргазма. Ноги бессильно опустились на простыни, а голова откинулась на подушку. Каждое прикосновение ткани теперь казалось слишком острым, кожа горела, но Райдер не остановился. Он продолжал двигаться во мне, наращивая скорость и игнорируя мою слабость. Райдер окончательно потерял привычную сдержанность.

Накатившая волна заставила его глухо рыкнуть. Сделав последний, самый глубокий толчок, Райдер излился внутрь меня и тяжело опустился рядом, переводя дух.

Я открыла глаза и повернулась к нему, чувствуя, как приятная истома моментально сменяется раздражением.

— Какого черта, Райдер?! — зло бросила я, приподнимаюсь на локтях. — Ты с ума сошел? Почему ты кончил в меня?

Райдер даже не подумал извиняться. Вместо этого он придвинулся ближе, перехватил мой подбородок пальцами и заставил посмотреть на себя. Хватка была жесткой, почти до боли. В его потемневших глазах не было ни капли сожаления — только решимость.

— Ты моя, Ламира. Была и будешь, — отчеканил он, наклоняясь к самому моему лицу. — Что бы ни случилось. Если ты забеременеешь от меня, я буду только счастлив. Другого пути у тебя нет. Ты навсегда принадлежишь мне.

Я попыталась отвернуться, но он держал крепко, подтверждая каждое свое слово силой. Наконец Райдер разжал пальцы и откинулся на подушки.

— Ты сумасшедший, Райдер. Мне всего двадцать лет, и я не планирую детей сейчас.

— Это все равно когда-нибудь случится, — равнодушно ответил, закидывая руку за голову.

Я обреченно покачала головой, поднялась с кровати и, подхватив с пола свое помятое платье, поспешила скрыться в купальне. Нужно было срочно смыть с себя этот день и привести мысли в порядок.

Прохладная вода тонкими струями побежала из медного крана, заполняя глубокую мраморную чашу. Я забралась

внутри, устало откидываясь на бортик и принимаясь смывать с себя следы нашей близости.

Мысли невольно вернулись в прошлое. Всё закрутилось слишком быстро. Мы с Райдером не расставались с самого детства, но привычная дружба окончательно дала трещину, перерастая в нечто куда более глубокое и опасное. Полгода назад я сама не выдержала этого напряжения и позволила ему зайти дальше, разделив с ним одну постель. Опустив руку в воду, я лениво наблюдала за кругами на поверхности. Никакого сожаления или стыда не было. Даже если бы об этом узнал отец или весь королевский двор — мне бы не пришлось краснеть. Я любила Райдера. Любила его тяжелый характер, его напор и была полностью уверена в нашем будущем.

Он хотел сыграть свадьбу как можно скорее, но тяжелая болезнь короля Сайруса не позволяла сделать это в ближайшее время. Райдеру приходилось откладывать этот вопрос из-за бесконечных государственных дел. Я прекрасно знала, что это не пустые отговорки. Он всегда держал свое слово и любил меня так же сильно, как и я его.

Закончив с купанием, я поднялась и взяла в руки полотенце. Взгляд мельком скользнул по собственному отражению в зеркале над раковиной. На обнаженной груди, контрастируя с кожей, мягко поблескивал темный круглый металл на тонкой прочной цепочке. Амулет, который я пообещала себе никогда не снимать, оставался на своем месте.

Я натянула помятое дорожное платье прямо на голое тело. Стоило мне выйти обратно в покои, как Райдер поднялся с кровати. Он уже успел натянуть брюки. Подойдя ближе, он мягко улыбнулся и коротко поцеловал меня в кончик носа.

— Мне пора домой, — тихо произнесла я, поправляя воротник. — Я еще даже не видела отца после поездки.

— Я приеду к тебе вечером, — пообещал Райдер, перехватывая мои ладони.

— Буду ждать.

Он подался вперед, вовлекая меня в прощальный поцелуй. Я ответила на его ласку, обвивая руками его крепкие плечи. Наконец, отстранившись, я улыбнулась ему и направилась к выходу из комнаты.

— До вечера.

Я вышла из покоев Райдера и быстрым шагом направилась по коридору к парадной лестнице. Спустившись в главный холл, я сразу заметила Катарию. Она стояла у высокой колонны, отрешенно глядя перед собой.

— Катария! — я подлетела к ней и крепко обняла за плечи.

Подруга вздрогнула, но тут же обняла меня в ответ. Отстранившись, она попыталась улыбнуться, и на ее бледном лице проступила искренняя радость.

— Я так счастлива тебя видеть, Ламира.

Я внимательно всмотрелась в ее осунувшееся лицо и залегшие под глазами тени.

— Что случилось? — прямо спросила я.

— Отец... Ему совсем плохо, — Катария опустила голову, и ее голос дрогнул. — Лекари говорят, что это легочная чахотка, и с каждым днем ему только хуже. Кашель не прекращается, он почти ничего не ест.

— Можно его навестить? — я обеспокоенно коснулась ее руки.

— Сейчас он заснул после сильного приступа. Давай лучше завтра. Сегодня он чувствовал себя просто ужасно.

Катария сжала пальцы, и в ее глазах отразился такой глубокий, неподдельный страх, какого я не видела у нее с самого детства. Она подняла на меня полные слез глаза и тихо, одними губами произнесла:

— Ламира... Я думаю, он не выкарабкается.

— Ну что ты такое говоришь! — я крепче перехватила ее ладони. — Твой отец сильный. Он правитель, он через столько войн прошел. Я уверена, что он справится с этой болезнью. Обязательно справится.

Я снова притянула подругу к себе, обнимая и пытаясь передать ей хоть немного уверенности. Ей сейчас было тяжелее всего.

— Приезжай сегодня вечером вместе с Райдером ко мне домой, — шепнула я ей на ухо. — Посидим все вместе, как раньше. Тебе нужно хоть ненадолго отвлечься.

Катария отстранилась и слабо улыбнулась, вытирая слезу с щеки.

— Хорошо. Я приеду.

Попрощавшись с ней, я направилась к выходу из замка. На площади перед дворцом меня уже ждала запряженная карета. Я забралась внутрь, уселась на мягкое сиденье, и экипаж сразу же тронулся, унося меня прочь от королевской резиденции.

Рассматривая в окно мелькающие деревья и богатые особняки пригорода, я не могла избавиться от тяжелых мыслей. Мне было по-настоящему страшно за короля Сайруса. Я даже представить не могла, каково сейчас Катарии и Райдеру видеть, как угасает их отец. Если бы что-то подобное случилось с моим собственным отцом, я бы просто не пережила этого. Логан был всей моей вселенной после смерти мамы. Я прекрасно понимала боль своих друзей и всем сердцем хотела поддержать их в этот темный час.

Карета покатила вверх по знакомому холму, и вскоре колеса зашуршали по гравию нашей подъездной аллеи. Экипаж остановился.

Выйдя на улицу, я невольно улыбнулась. Наш белый большой дом, окруженный яблоневыми садами, выглядел тихим и таким родным. Тоска по отцу, копившаяся всю неделю, подтолкнула меня вперед. Стражники у входа поклонились и распахнули створки. Я влетела в прохладный холл и сразу побежала вглубь коридора — напрямик к кабинету отца.

Я влетела в кабинет без стука. Отец сидел за своим рабочим столом, заваленным бумагами, но стоило мне показать-

ся на пороге, как он тут же поднялся на ноги.

— Мила, доченька, — на его лице проступила теплая улыбка.

Я подлетела к нему и крепко прижалась к груди, вдыхая знакомый, родной запах.

— Папа, я так скучала!

— Я тоже очень скучал, — Логан обнял меня за плечи, а затем отстранился и весело усмехнулся. — Судя по всему, ты скучала так сильно, что прямо с корабля помчалась во дворец, даже не заехав домой?

Щеки моментально обдало жаром. Я опустила взгляд, судорожно соображая, как оправдать свой помятый вид и задержку.

— Да я всё прекрасно понимаю, — мягко прервал он мои попытки оправдаться.

— Пап, я просто...

— Эх, молодость. Это любовь, — он понимающе покачал головой и потрепал меня по плечу.

— Ты не против? — спросила я, заглядывая ему в глаза.

— Конечно нет, — отец искренне улыбнулся. — Райдер — лучшая партия для тебя. Я знаю этого мальчишку с самого детства, видел, как он рос, и полностью ему доверяю. Из него выйдет достойный мужчина.

Я с облегчением улыбнулась. Отец вернулся к столу и поправил стопку документов.

— Сейчас у меня есть еще пара неотложных дел, но я по-

пробую освободиться пораньше, чтобы провести этот вечер с тобой.

— Это всё из-за короля? — моя улыбка угасла, уступая место тревоге.

Лицо отца мгновенно помрачнело. Логан был не просто правой рукой правителя, он был его самым близким и верным другом на протяжении многих лет. Он тяжело опустил-ся обратно в кресло.

— Да, Мила. Сайрус очень плохо себя чувствует. С каждым днем лекарям всё труднее сдерживать приступы.

— Папа, всё с ним будет в порядке, — я обошла стол и положила ладони ему на плечи. — Он сильный. Столько всего перенес, он справится с этой чахоткой.

— Я очень на это надеюсь, — ответил отец.

В его голосе прозвучала такая глухая, непривычная для него беспомощность, что у меня сжалось сердце. Видеть, как сильный и несокрушимый Логан страдает из-за угасания друга, было невыносимо больно. Я крепко обняла его со спины, утыкаясь подбородком в его плечо.

— Буду ждать тебя к ужину, — шепнула я.

Выйдя из кабинета и мягко прикрыв за собой дверь, я решила отыскать младшую сестру. Долго думать, где находится Аделия, не пришлось. Она с ранних лет обожала природу и могла часами пропадать среди деревьев, так что ноги сами повели меня на задний двор, прямоком в наши яблоневые сады.

Я вышла во двор. Теплый ветер колыхал тяжелые ветви яблонь, усыпанных первыми мелкими плодами. Мимо пышных клумб я дошла до конца центральной аллеи и на небольшой поляне заметила русую макушку сестры. Аделия сидела прямо на земле, не заботясь о чистоте своего светлого платья, и бережно поправляла стебель увядающего куста.

Я остановилась в паре шагов и уперла руки в бока.

— Аделия, ты опять вся в грязи!

Сестра вскинула голову. На меня взглянули большие серые глаза — точно такие же, как у меня. В свои пятнадцать лет Аделия уже вытянулась, ее черты лица заострились, превращая угловатого ребенка во взрослую девушку. Но, вопреки всем наставлениям учителей этикета, вести себя как чопорная леди она так и не научилась.

— Садовники за ними совсем плохо смотрят, — недовольно отозвалась она, демонстрируя испачканные ладони. — Вон, земля совсем сухая, они же засыхают. Приходится самой всё поливать.

Придерживая подол, я опустилась рядом с ней на корточки.

— Боже, ты готова часами пропадать в саду.

— Здесь спокойно, — Аделия улыбнулась и закрыла глаза, втягивая воздух. — Мне нравятся эти запахи. Трава, влажная земля, цветы... Настоящие, живые.

Я мягко подтолкнула ее плечом.

— Вечером к нам приедут гости. Райдер и Катария.

Сестра моментально просияла, а в ее глазах зажглись веселые искорки.

— Правда? Я так соскучилась по Катаре! Очень рада, что она приедет.

— Вот и отлично, — я не сдержалась и крепко потрепала ее по волосам, окончательно выбивая русые пряди из небрежного узла.

— Ламира, ну что ты делаешь! — возмутилась Аделия, пытаюсь увернуться.

Смеясь, я быстро поднялась на ноги и сделала несколько шагов назад, спасаясь от ее справедливого гнева. Сестра смерила меня хитрым взглядом, ловко зачерпнула пальцами горсть влажной земли и прицельно метнула прямо в меня. Грязь глухо шлепнулась о ткань моего дорожного платья, оставляя темное пятно чуть выше колена.

— Аделия! Ты что творишь?! — вырвалось у меня от неожиданности.

Сестра звонко рассмеялась, радуясь своей меткости. Посмотрев на ее счастливое лицо, я не выдержала и тоже рассмеялась в ответ.

Оставив Аделию в саду, я вернулась в дом. До самого вечера время тянулось за мелкими домашними хлопотами: нужно было наконец разобрать дорожные сумки после поездки, сменить испачканное землей платье и переговорить со слугами по поводу ужина.

С наступлением сумерек к нашему крыльцу подкатила

дворцовая карета.

За ужином мы собрались в большой столовой. Катария и Райдер сидели напротив нас с сестрой, а во главе стола расположился отец. Несмотря на общую тревогу за здоровье короля Сайруса, атмосфера в комнате оставалась удивительно уютной. Мы делились историями с побережья, Катария тихо рассказывала о новых замковых сплетнях, а Райдер изредка бросал на меня быстрые, скрытые от чужих глаз взгляды. Временами за столом звучал смех, и это привычное семейное тепло помогало ненадолго позабыть обо всех внешних невзгодах.

После десерта отец извинился и покинул нас, сославшись на необходимость дописать пограничные отчеты.

Оставшись вчетвером, мы перебрались на веранду заднего двора, где слуги уже накрыли небольшой стол для чая. Вечерняя прохлада приятно освежала после душного дня. Райдер устроился на широком диванчике рядом со мной и уверенно обнял меня за плечи, притягивая ближе к себе. Катария и Аделия устроились напротив, обсуждая какие-то садовые цветы и передавая друг другу чашки.

Я откинулась на спинку, чувствуя плечом крепкую грудь Райдера, и сделала глоток теплого травяного отвара. Разглядывая лица сестры, подруги и любимого мужчины в мягком свете садовых фонарей, я ощутила абсолютное счастье. Эти люди были со мной всю мою жизнь. С ними я находилась в полной безопасности, и никакие штормы этого мира не мог-

ли до нас добраться.

Глава 5

Торендо. Ламуре двадцать пять лет.

Карета мягко качнулась и замерла. За окном послышался стук открываемой дверцы, но я не спешила подниматься с места.

Выйдя на каменную плитку площади, я остановилась и невольно обхватила себя руками за плечи, пытаюсь защититься от резкого порыва ветра. Взгляд уперся в серые стены королевской резиденции. Было по-настоящему жутко даже просто смотреть на эти массивные башни.

Пальцы правой руки коснулись левого предплечья. Даже сквозь плотную ткань платья прикосновение отозвалось болью. Стоило чуть сильнее надавить на кожу, как перед глазами всплыли события трехдневной давности. Мы с Катарией уехали в город, решив провести время среди лавок и отвлечься от дворцовой духоты. Мы вернулись только к вечеру. Райдер ждал меня в холле. Его пальцы стальными тисками впились в мою руку, заставляя вскрикнуть. Синяк от этого захвата до сих пор не сошел.

— Где ты шлялась? — процедил он тогда, приблизив свое лицо к моему так близко, что я видела, как ходят желваки на его челюсти.

— Мы просто гуляли, Райдер, — попыталась оправдаться

я, безуспешно пытаюсь вырвать запястье.

— Без моего разрешения ты больше никуда не пойдешь. Запомни это, Ламира.

Одинокая слеза скатилась по щеке, оставляя влажную дорожку. Я сильнее сжала собственные плечи. Что с ним стало?

Три года назад умер король Сайрус, и Райдер принял корону. Именно тогда, после коронации, всё покатилося в пропасть. Сперва я пыталась найти ему оправдания: огромная ответственность, тяжесть власти. Став королем, он первым же делом разрушил хрупкие мирные соглашения с Астерисом, и из-за этого решения на границах Торендо снова вспыхнули вооруженные столкновения. Но с каждым месяцем его контроль становился всё более удушающим, а вспышки злости — жестокими. Изменилось абсолютно всё. Теперь даже Катария, его родная сестра, до дрожи боится лишний раз попасться ему на глаза.

Я коротко мотнула головой, отгоняя страшную мысль. Нет, он не был таким всегда. В детстве Райдер защищал нас от любой беды. Когда мы начали встречаться, он оберегал меня, заботился и никогда в жизни пальцем бы меня не тронул. Он любил меня. А теперь, спустя три года его правления, я просто не узнавала мужчину, которому когда-то подарила свое сердце.

Вся наша любовь, копившаяся годами, оказалась растоптана его жестокостью и одержимым желанием подчинить меня себе. Я никогда бы не подумала, что буду бояться чело-

века, за которого собиралась выйти замуж. Бояться переступить порог дворца, зная, что за любой дверью могу наткнуться на его тяжелый взгляд.

Но Райдер приказал мне явиться сегодня. Отказаться было нельзя — это лишь разозлило бы его сильнее. Я посмотрела на парадную лестницу, на огромные дубовые двери замка и сделала первый, невероятно тяжелый шаг вперед.

Я поднялась по парадной лестнице. Стражники у входа молча потянули на себя тяжелые двери, впуская меня внутрь. Стоило переступить порог, как прохлада просторного холла окутала плечи.

У первой же служанки, застывшей со свернутыми скатертями в руках, я негромко спросила:

— Где король?

— Его Величество у себя в кабинете, госпожа Ламира, — женщина торопливо склонила голову.

Коридоры казались бесконечными. С каждым шагом к правому крылу вокруг словно сгущались тени, а дышать становилось всё труднее. Остановившись у нужной дубовой двери, я опустила руки. Ладони были влажными от пота. Сердце колотилось так сильно, что звук ударов отдавался в ушах. Собравшись с духом, я дважды коротко постучала в дверь.

— Войдите, — донесся изнутри ровный, глубокий голос.

Я толкнула створку и шагнула на ковер. Райдер стоял у своего рабочего стола. За эти три года он заметно раздался

в плечах, а его лицо потеряло всякую юношескую мягкость. Черты лица стали резкими, словно высеченными из камня. Даже его глаза, когда-то напоминавшие чистое летнее небо, теперь казались темными, почти грозowymi. В них больше не было прежнего тепла.

Он молча сократил расстояние между нами. Его тяжелая ладонь легла мне на шею сзади, пальцы властно сжались на затылке, фиксируя на месте. Райдер наклонился и впился в мои губы. В этом поцелуе не осталось прежней нежности — только собственнический напор и требование полного подчинения. Я замерла, с трудом сдерживая дрожь, и лишь слегка ответила на его движение, боясь вызвать новую вспышку раздражения.

— Какого черта так долго? — недовольно спросил он, отстранившись от моих губ лишь немного.

Не дожидаясь ответа, его свободная рука легла на мое плечо, грубо сдвигая в сторону шелковую лямку платья. Я инстинктивно перехватила его пальцы, слегка замедляя их движение.

— Райдер...

Он замер. Его взгляд стал еще темнее, в глубине зрачков вспыхнуло опасное раздражение. По спине пробежал озноб. Понимая, что его недовольство может мгновенно перерасти в ярость, я поспешила понизить голос и произнесла, стараясь подбирать слова:

— Извини. Сейчас неподходящее время. У меня женские

дни... я просто физически не могу.

Райдер шумно выдохнул сквозь сжатые зубы, резко отпуская мою шею. В его позе проступила злость.

— Каждый раз у тебя какие-то отговорки, Ламира.

— Это не отговорки, — тихо возразила я, поправляя смятую ткань на плече.

Он отошел к окну, заложив руки за спину.

— Траур по моему отцу закончился. Трех лет более чем достаточно. Пришло время сыграть нашу свадьбу.

Я замерла, ошеломленно глядя на его широкую спину.

— Свадьбу?

— Да, — Райдер повернулся ко мне, и на его лице не отразилось ни единой эмоции. — Я уже отдал приказ, чтобы начали подготовку к торжеству.

Сделав робкий шаг вперед, я умоляюще посмотрела на него:

— Райдер, я не готова. Зачем так спешить?

Он молниеносно сократил расстояние между нами, жестко обхватил мое лицо ладонью и заставил поднять подбородок.

— Мы давно вместе. Я не вижу смысла больше затягивать, — отрезал он, чеканя каждое слово. — Так что начинай готовиться.

Райдер разжал пальцы, оставляя на моих щеках красные следы, и отвернулся к столу. Я осталась стоять посреди кабинета, не в силах пошевелиться. Мысли лихорадочно сменяли

друг друга, превращаясь в хаос. Я отчетливо понимала, что больше не люблю его. Я панически не хотела этой свадьбы, но сковывающий страх не позволял произнести это вслух. Назови я правду — и последствия были бы необратимы.

Король скользнул по мне коротким взглядом.

— У тебя какие-то проблемы с моим решением?

— Нет, — быстро ответила я, мотнув головой и сглотнув горький ком.

— Свободна. У меня сейчас много дел.

Я развернулась и почти выбежала из кабинета. Слезы сами брызнули из глаз, я больше не могла их сдерживать. Они застилали всё вокруг, превращая коридор в размытые пятна. Не разбирая дороги, я неслась по галерее, пока едва не столкнулась с Катарией.

Подруга подбежала ко мне, испуганно вглядываясь в мое лицо.

— Ламира! Что случилось?

Я даже ответить не могла. Пришлось зажать рот ладонью, чтобы сдержать рвущийся наружу громкий плач. Катария моментально сориентировалась: перехватила мое запястье и торопливо повела прочь из парадной галереи.

Она вывела меня на свежий воздух и увлекла в самую глубь сада. Отыскав безлюдную тропинку, скрытую разросшимися кустами роз, подруга усадила меня на деревянную скамейку. Я принялась судорожно вытирать мокрые щеки тыльной стороной ладоней.

— Я не знаю, что делать, — выдохнула я, глотая воздух.
— Он приказал начать подготовку к свадьбе. Катария, ты понимаешь? К свадьбе!

Принцесса опустилась рядом и мягко погладила меня по плечу. В ее голубых глазах отразилась безысходность.

— Ламира, ты же прекрасно понимаешь: если мой брат что-то решил, то так и будет.

— Что мне делать? — я умоляюще посмотрела на нее.

— Я не знаю, — Катария опустила руки и покачала головой. — Я сама боюсь сказать ему лишнее слово. Он уничтожил всё, чем дорожил наш отец.

— О чем ты говоришь?

Катария оглянулась на серые стены замка и понизила голос почти до шепота:

— Райдер стягивает армию к границам Астериса. Стычки на рубежах стали намного серьезнее. Лекари принимают раненых десятками. Всё это может обернуться полноценной войной.

— Зачем? Зачем он это делает?!

— Он бредит какой-то силой, которую скрывает Астерис. Постоянно твердит о ней на военных советах.

— Силой? — я нахмурилась, убирая растрепанные волосы с лица. — Он сходит с ума, как и твой дедушка.

— Я не знаю, что стало с моим братом, — Катария закрыла лицо руками. — И не знаю, как помочь тебе.

Я сжала пальцы в кулаки, чувствуя, как внутри всё коче-

неет от принятого решения.

— Я боюсь его. И я не хочу выходить за него замуж. Попробую поговорить со своим отцом. Может быть, он сможет что-то сделать.

Катария вскинула на меня обнадеживающий взгляд и согласно кивнула:

— Да, поговори с Логаном. Твой отец — правая рука короля. Райдер уважает его с детства. Возможно, он послушает хотя бы его.

— Да, я так и сделаю, — твердо произнесла я, поднимаясь со скамейки.

Катария мягко сжала мои пальцы.

— Всё будет хорошо. Я уверена, Логан разберется.

Она бережно вытерла остатки слез с моих щек своим кружевным платком.

— Поезжай домой, Мила. Тебе не стоит больше находиться во дворце. Езжай и поговори с отцом.

Я согласно кивнула. Простившись с подругой, я покинула сад и быстрым шагом направилась к выходу из замка. Знакомая карета всё еще ждала на площади. Забравшись внутрь, я бессильно опустилась на кожаное сиденье, и экипаж сразу же тронулся, увозя меня прочь.

По мере того как колеса шуршали по гравию, слезы постепенно высохли. Дыхание выровнялось. На смену панике пришло холодное, отчетливое понимание: нужно брать жизнь в свои руки. Если я уступлю и выйду замуж за Райдера, моя

жизнь окончательно превратится в ад.

Взгляд бездумно скользил по мелькающим за стеклом деревьям, а мысли невольно возвращались в прошлое. Времена до коронации теперь казались чужой, несбыточной сказкой. Я помнила, как нежно Райдер обнимал меня на веранде нашего дома, как мы часами сидели в тени яблоневого сада и целовались, прячась от прислуги. Тогда в каждом его прикосновении читались трепет и забота. Он ловил каждое мое слово и боялся причинить малейшую боль.

Теперь всё изменилось. На смену нежности пришел удрушающий, слепой контроль, а наша близость превратилась для меня в тяжелое испытание. Воспоминания о недавней встрече в его покоях заставили меня поежиться. Райдер просто швырнул меня на кровать, с треском разорвав ткань платья. Ему было абсолютно плевать на мои желания, на то, готова ли я. Он не пытался довести меня до взаимной страсти, как делал это раньше. Мужчина просто грубо взял то, что считал своей собственностью, получил желаемое и отвернулся.

Это продолжалось уже около двух лет. Каждая ночь с ним становилась актом подчинения, где не было места моим чувствам.

Я снова крепко обхватила себя руками за плечи, чувствуя, как по телу пробегает крупная дрожь от этих мыслей. Слезы опять подступили к глазам и покатались по щекам. Размазав их ладонями, я сердито приказала себе: «Успокойся. Хватит

плакать. Отец поможет».

Карета как раз начала сбавлять ход, приближаясь к воротам нашего поместья.

Стоило мне выйти из кареты, как я сразу услышала глухой, быстрый топот копыт. Со стороны конюшен к подъездной аллее галопом неслась Аделия. Она уверенно осадила лошадь прямо передо мной. Сверху вниз сестра внимательно всмотрелась в мое лицо, упрямо нахмутив брови.

— Ламира, что случилось?

— Всё в порядке, — я попыталась придать голосу как можно больше ровности. — А где отец?

— В саду. Опять сидит со своими документами за столиком, — Аделия недовольно дернула поводья.

Я лишь коротко кивнула и развернулась, собираясь поскорее скрыться среди деревьев, но сестра ловко спрыгнула на землю и крепко перехватила меня за запястье, вынуждая обернуться.

— Ламира, я же вижу, что с тобой что-то происходит, — твердо произнесла она.

Я опустила взгляд на ее пальцы, а затем мягко накрыла ее ладонь своей. В свои двадцать лет Аделия превратилась в настоящую красавицу. Она по-прежнему проводила все дни напролет то в седле, то в земле среди клумб, и от всей ее фигуры веяло той легкой, беззаботной юностью, которую я сама так безвозвратно потеряла. Ее жизнь была чистой и простой. Мне меньше всего на свете хотелось обременять ее своими

взрослыми, грязными проблемами и пугать жестокостью короля.

— Аделия, не думай об этом. Я сама во всем разберусь,
— ласково произнесла я, осторожно высвобождая руку.

Натянуто улыбнувшись сестре, чтобы сгладить неловкость, я зашагала вглубь яблоневого сада.

Отец обнаружился на дальней поляне. Он действительно сидел за небольшим круглым столом, полностью заваленным бумагами и картами рубежей. Логан даже не поднял головы, когда шорох моих туфель выдал мое приближение — он продолжал быстро вчитываться в очередной отчет, прижимая пальцем край пергамента.

Я молча опустилась на свободный стул напротив него. Только тогда отец оторвался от документов. Стоило ему разглядеть мое лицо, как его брови резко взлетели вверх, а в серых глазах проступила мгновенная тревога.

— Мила, доченька... Что случилось?

Я сжала пальцы на коленях под столом, заставляя себя говорить прямо и спокойно:

— Отец, мне нужно поговорить с тобой. Очень серьезно.

— Как я полагаю, разговор будет о Райдере? — негромко спросил отец.

Я удивленно приподняла брови, не ожидая такой пронизательности.

— Откуда ты знаешь?

— Я не слепой, Мила, — Логан тяжело вздохнул и ото-

двинул в сторону стопку отчетов. — Прекрасно вижу, как он изменился за эти годы. И, как я понимаю, в ваших отношениях тоже всё поменялось.

Взгляд невольно скользнул в сторону, к ветвям старой яблони. Вспомнились счастливые детские годы на этой самой поляне, отчего на душе стало еще горше.

— Он приказал готовиться к свадьбе, — тихо произнесла я. Одинокая слеза скатилась по щеке. Я заставила себя посмотреть отцу прямо в глаза. — Папа, я не хочу. Я боюсь его.

Отец откинулся на спинку стула. Его лицо сделалось суровым, а в серых глазах вспыхнул опасный огонь.

— Мила, если ты не хочешь, я не дам своего согласия на этот брак.

— Но он же король, — я слабо, вымученно улыбнулась. — Как ты откажешь ему?

— Я с ним поговорю, — строго отрезал Логан. — И уж тем более не позволю своей дочери выйти замуж за того, кого она не любит.

— Я надеюсь, он тебя послушает, — прошептала я, чувствуя, как с плеч спадает огромная часть давящего груза.

Отец некоторое время молча смотрел на шумящий от ветра сад, словно принимая какое-то внутреннее, окончательное решение. Затем он снова повернулся ко мне:

— Мила... Я решил отойти от дел. Полностью уйти в отставку.

Я ошеломленно замерла, едва веря собственным ушам.

— О чем ты говоришь, папа? Ты же правая рука короля! На тебе держится половина Торендо.

— Сайрус был справедливым и мудрым королем, — Логан говорил ровно, по-мужски взвешивая каждое слово. — Для меня было честью служить ему и помогать управлять государством. Когда Сайрус умер, я был искренне уверен, что Райдер переймет его лучшие качества и станет таким же достойным правителем. Но всё изменилось.

Отец сжал пальцы в замок, и на его лбу прорезались глубокие морщины.

— Я не поддерживаю его нынешние политические решения и то, какими методами он теперь управляет страной. Он разрушил мир, который мы строили десятилетиями. Райдер практически перестал меня слушать, мои советы для него больше ничего не значат. Я не хочу и не стану соучастником того безумия, которое он сейчас творит, тем более что никак не могу на это повлиять. Мое решение принято. Я покидаю должность.

В голове не укладывалось, как власть могла настолько до неузнаваемости изменить Райдера. Он умудрился оттолкнуть абсолютно всех, кто его искренне любил и ценил. Собственная сестра панически боялась лишний раз попасться ему на глаза, а я вздрагивала от одного воспоминания о его шагах. Это непонимание оставляло внутри горький осадок. Почему он стал таким? В какой именно момент заботливый юноша превратился в безжалостного деспота?

Отец прервал мои мысли. Он протянул руку через стол и мягко накрыл мои пальцы своей широкой ладонью.

— Милая, не бойся ничего, — твердо произнес он. — Я завтра же поговорю с ним обо всем.

Я слабо улыбнулась, сжимая его руку в ответ.

— Спасибо, папа.

Поднявшись со стула, я собиралась вернуться в дом, но отец тоже встал. Логан обошел круглый столик, подошел ближе и крепко прижал меня к себе.

— Для своих девочек я сделаю всё, — пообещал он, утыкаясь подбородком в мою макушку. — И никогда не позволю, чтобы кто-то из вас страдал.

Я обняла его в ответ, чувствуя, как постепенно возвращается уверенность. Отец всегда был моей главной опорой. Он отстранился и ободряюще кивнул на тропинку, ведущую к дому:

— Ни о чем сейчас не думай. Иди отдохни, ты выглядишь неважно после дороги.

Я послушно кивнула и покинула поляну. Шагая мимо цветущих кустов обратно к веранде, я впервые за этот бесконечный день ощутила робкую, но настоящую надежду. Появилось предчувствие, что завтра всё обязательно наладится.

Глава 6

Сквозь полузавешенные шторы в спальню пробивался яркий утренний свет. Я сладко потянулась в постели, лениво сбрасывая остатки сна. На душе было непривычно спокойно, и губы сами собой растянулись в робкой улыбке. После вчерашнего разговора с отцом тяжелая, удушающая тревога наконец отпустила, оставив место легкой надежде. Появилось предчувствие, что худшее уже позади.

Вскоре в двери коротко постучали, и вошедшая горничная принялась за привычные бытовые хлопоты — открыла ставни, наполнила кувшин свежей водой.

— Выберите мне что-нибудь совсем простое и легкое, — попросила я служанку, поднимаясь с кровати. — Сегодня после еды я хочу прокатиться на лошади, подышать свежим воздухом в лесу.

Горничная послушно кивнула и выудила из глубин платяного шкафа лаконичное дорожное платье из плотного, но дышащего хлопка. Без лишних кружев, без тяжелых нижних юбок. С мелкими пуговицами на груди я без труда справилась сама, а служанка лишь помогла затянуть несложный пояс на талии и быстро заплела мои русые волосы в одну тугую косу, чтобы они не летели в лицо во время быстрой скачки.

Стоило мне натянуть удобные кожаные сапоги и выйти из комнаты, как проходящая мимо экономка вежливо склонила

голову:

— Доброе утро, госпожа Ламира. Отец и ваша сестра уже ждут вас внизу. Завтрак подан.

Я быстро спустилась по широкой лестнице и толкнула створки обеденного зала. В комнате пахло запеченными яблоками, свежим чаем и поджаренным хлебом. Отец и Аделия уже сидели за столом. Заметив меня, они синхронно оторвались от тарелок.

— Доброе утро, Ламира, — тепло улыбнулся Логан, отставляя в сторону чашку.

— Доброе утречко, — отозвалась сестра, намазывая джем на тост.

Я прошла вглубь зала, подошла к отцу со спины и с нежностью поцеловала его в макушку, коротко прижавшись щекой к его плечу. Рядом с отцом я чувствовала себя в полной безопасности. Затем я шагнула к Аделии и шутливо потрепала ее по голове, намеренно нарушая идеальный порядок ее уложенных волос.

— Ну Ламира! Что ты делаешь? — притворно рыкнула сестра, уворачиваясь от моей руки и тщетно пытаясь пригладить выбившиеся русые пряди. — Мне только что прическу сделали!

Я лишь весело усмехнулась ее грозному виду, обошла стол и села на свое привычное место — напротив сестры и по правую руку от отца.

— После завтрака я собираюсь во дворец, — произнес

отец, переводя на меня спокойный взгляд. — Как раз будет время поговорить с Райдером.

— Папа, я поеду с тобой! — тут же подала голос Аделия, откладывая нож для масла.

Логан удивленно изогнул бровь, и сестра торопливо добавила:

— Я обещала Катарии, что приеду на днях. Мы хотели провести время вместе.

Отец одобрительно кивнул. Я замерла с чашкой в руках, невольно задумавшись о поездке. Мне тоже хотелось поехать и побыть с подругой, но мысль о возможном столкновении с королем вызывала панику. Переступить порог резиденции Райдера было выше моих сил.

Отец заметил мое замешательство. Его лицо смягчилось, а голос прозвучал ободряюще:

— Дочка, не бойся. После нашего разговора Райдер уедет к войскам и до вечера во дворце не появится. Вы разминитесь.

Страх мгновенно отступил, уступая место радости. Я повернулась к сестре:

— Я планировала прокатиться верхом, подышать свежим воздухом. Закончу прогулку и сразу приеду к вам, составлю компанию.

— Замечательно! — Аделия засияла от восторга. — Мы так давно не проводили время втроем. Повеселимся как раньше.

Дальнейший завтрак пролетел на одном дыхании. Тревожные мысли рассеялись, уступив место шуткам и воспоминаниям. Отец то и дело притворно ворчал, заявляя, что Аделия растет дикаркой, раз возвращается с прогулок в грязи и со спутанными русыми волосами. Сестра в ответ лишь смеялась, защищая свое право заботиться о саде. Мы спорили, вспоминали наши детские шалости и наслаждались этим веселым и беззаботным утром.

После завтрака я проводила отца и сестру до кареты. Логан крепко обнял меня и поцеловал в макушку, а Аделия помахала из окна, когда экипаж тронулся по гравийной дорожке. Я смотрела им вслед, пообещав себе, что приеду во дворец сразу после прогулки.

Затем я направилась к конюшням. Под навесом пахло сухим сеном, овсом и кожаной сбруей. Моя кобыла тихо заржала, встречая меня. Погладив ее по теплой бархатистой морде, я дождалась, пока конюх затянет подпругу седла и поможет мне забраться.

Оказавшись в седле, я пустила лошадь галопом, выезжая за ворота поместья в сторону леса.

Лес встретил меня прохладой. Вокруг пахло сырой хвоей и листвой, копыта глухо шлепали по влажной земле, а ветер свистел в ушах, выбивая русые пряди из косы. Шуршание травы под ногами лошади и скорость дарили забытое чувство свободы.

Через какое-то время я придержала поводья, останавли-

ваясь на залитой солнцем поляне у самого обрыва. Внизу, сколько хватало глаз, шумело бескрайнее море. Лошадь шумно задышала, перебирая ногами, а я уставилась на воду, и мысли снова вернулись к Райдеру.

Любил ли он меня когда-нибудь по-настоящему? До коронации, в нашем общем детстве — определенно да. Но то, что происходило между нами сейчас, назвать любовью было невозможно. К любимым людям не относятся как к бесправной вещи.

Возможно, Райдер просто не может признаться самому себе, что его чувства давно угасли. Когда привыкаешь к человеку с малых лет, тяжело осознать, что вам больше не суждено быть вместе. Из-за этого внутреннего отрицания у него и рождается слепая агрессия, переходящая в жесткий контроль. Он злится, потому что любовь ушла, но признать поражение его гордость не позволяет.

Я глубоко вздохнула, глядя на набегающие волны. Была надежда, что сегодняшний разговор с отцом всё изменит. Логан заставит его отложить свадьбу. Райдер получит передышку, успокоится, в конце концов поймет, что между нами всё давно кончено, и мы сможем мирно разойтись каждый своей дорогой.

Я пустила кобылу в галоп, и на губах сама собой появилась улыбка. Ветер бил в лицо, заставляя чуть пригибаться к шее лошади. Скорость приносила невероятное облегчение, будто выметая из головы остатки ночных кошмаров.

Спустя полчаса быстрой скачки я придержала поводья у лесной опушки, заросшей дикими цветами. Спрыгнув на мягкую траву, я подошла к ярким бутонам и наклонилась,

вдыхая их сладкий, свежий аромат. На мгновение вернулось забытое ощущение умиротворения и простого человеческого счастья. Вокруг пели птицы, шумела листва, и жизнь казалась удивительно правильной. Паника окончательно улетучилась.

Взгромоздившись обратно в седло, я поняла, что больше не боюсь ехать во дворец. Наоборот, появилось желание добраться туда верхом — дорога как раз помогла бы окончательно разложить мысли по полочкам перед встречей с Катарией.

Направив лошадь по окружной тропе, я решила обойти шумные городские кварталы, помня, какими тесными и нищими они были с самого детства. Мне хотелось подольше побыть среди природы, поэтому я пустила кобылу по широкой лесной просеке, которая выводила напрямик к дворцовой возвышенности, минуя городские лавки и жилые дома.

Однако стоило мне приблизиться к предместьям замка, как привычная лесная тишина сменилась нарастающим гулом. Я придержала поводья, переводя лошадь на шаг.

Со всех сторон — из переулков, с лесных тропинок и главных дорог — валили толпы людей. Огромная людская река двигалась не к главным воротам резиденции, а в сторону большой площади, расположенной неподалеку от дворцовых стен. Народу было так много, что горожане толкались, пихались и буквально бежали вперед, торопясь попасть на площадь.

Я окончательно остановила кобылу у обочины, ошеломленно наблюдая за этой суматохой. В воздухе стоял сплошной, оглушительный шум. Со всех сторон доносились взволнованные, испуганные выкрики:

— Да ладно, не может быть!

— Я не верю, пойдем скорее посмотрим!

— Неужели это правда?! Бежим, а то всё пропустим!

В толпе царило дикое, пугающее оживление. Растерянно озираясь по сторонам, я пыталась понять, какое именно событие могло заставить половину столицы бросить свои дела и в панике мчаться к дворцовой площади.

Я спрыгнула с лошади у самого края людской толпы и быстро привязала поводья к ветке невысокого кустарника. Попытавшись остановить какого-то бегущего мимо мужчину, я протянула руку, но на меня даже не обратили внимания — горожане спешно проносились мимо, задевая плечами. Твердо решив выяснить всё сама, я двинулась следом. Распалкивать людей и пихаться, как остальные, не хотелось, поэтому я просто аккуратно лавировала в общем потоке, продвигаясь вперед.

Толпа впереди становилась всё плотнее. Протиснувшись сквозь очередную стену из чужих спин, я наконец выбралась на край огромной площади и сразу шагнула чуть вбок, чтобы из-за чужих голов разглядеть происходящее.

Первым я заметила Райдера. Он стоял на высоком деревянном настиле с лицом, похожим на каменную маску. В его

фигуре не было и капли сомнения — только холодная жестокость. Внутренний голос умолял меня бежать отсюда, но я продолжала смотреть. Король смотрел на толпу сверху вниз, а затем медленно опустил взгляд на доски у своих ног.

Я проследила за его глазами. Мир вокруг мгновенно замер, а воздух в легких превратился в стекло.

На коленях у плахи, со скованными за спиной руками, сидел мой отец. Ворот его рубашки был разорван.

В этот момент палач в черном капюшоне шагнул вперед и занес над его головой тяжелый широкий топор. Лезвие блистало на солнце. Райдер равнодушно опустил руку, давая сигнал.

— Па-а-а! — истошный, нечеловеческий крик взрезал мою грудь. Это был звук ломающейся жизни, дикий, раздирающий связки рев, в который я вложила всю свою душу.

Чья-то ладонь мертвой хваткой обхватила мое лицо, зажимая рот. Мой крик захлебнулся, превратившись в глухой, безумный хрип.

Топор со свистом пошел вниз. Из-за чужих голов и пелены слез я увидела лишь страшное, быстрое движение металла, обрывающее жизнь самого дорогого мне человека. Всё погрузилось в кровавый туман. Горло сдавило судорогой, в ушах зазвенело так громко, что крики толпы исчезли. Осознание того, что папы больше нет, ударило в голову сокрушительным разрядом.

Я начала биться в чужих руках, как раненый зверь. Паль-

цы царапали кожу незнакомца, ноги в ярости молотили по земле, а из груди в зажатую ладонь вырывались дикие, нечленораздельные рыдания. Но мужчина, державший меня за талию, оказался сильнее. Резким, безжалостным рывком он буквально оторвал меня от земли и поволок назад, стремительно уводя прочь от площади, пока перед моими глазами все еще горел этот страшный, залитый солнцем эшафот.

Мужчина затащил меня в тень за угол каменного здания. Он остановился, но руку от моего лица убирать не стал, продолжая намертво прижимать меня к своей груди. Сквозь плену слез мир казался размытым и пугающим.

Прямо передо мной из полумрака шагнула Катария. На принцессе не было лица, а ее голубые глаза были широко распахнуты. Заметив ее, я забилась в руках незнакомца с новой силой, и из моей груди вырвался глухой, удушающий всхлип.

Катария торопливо протянула руки и ладонями стерла мокрые дорожки с моих щек.

— Ламира, умоляю, тише, — взмолилась она, и ее собственный голос сорвался на дрожащий шепот.

Подруга коротко кивнула мужчине. Незнакомец наконец разжал пальцы и убрал ладонь от моего рта, но остался стоять рядом, закрывая нас со спины. Обернувшись, я узнала в нем молодого гвардейца — одного из личных стражников, которые всегда охраняли принцессу и подчинялись только ей.

Рассудок мутился. Я принялась лихорадочно крутить головой, хватаясь пальцами за воротник платья. Мысли путались, превращаясь в хаос, а перед глазами стоял силуэт плахи.

— Что происходит? Я не понимаю... Что происходит? — шептала я, сходя от горя с ума. — Это правда? Катария, скажи, что это неправда!

Катария крепко схватила меня за плечи и с силой встряхнула, заставляя замолчать.

— Ламира, соберись! Сейчас ты должна собраться! — из ее глаз тоже брызнули слезы. — Райдер совсем потерял рассудок.

— За что? За что он сделал это с папой?! — закричала бы я, но Катария снова прижала ладонь к моим губам, призывая к тишине.

— За измену короне, — глухо ответила она, опуская руку. — Твой отец приехал утром. Он в открытую заявил Райдеру, что покидает должность, потому что не поддерживает его методы управления. Брат воспринял эти слова как государственную измену. Он приказал казнить его немедленно, на глазах у всего города. В назидание остальным.

Картинка из прошлого — отец, стоящий на коленях у плахи, — выжглась на внутренней стороне моих век. Я не могла перестать думать об этом, чувствуя, как внутри всё выгорает дотла. Но посреди этой леденящей пустоты меня вдруг прошила страшная мысль. Сестра приехала во дворец вместе с

отцом.

Я резко вскинула голову, впиваясь пальцами в плечи Катарии.

— Где Аделия? Что с моей сестрой?!

— Она во дворце, — тихо ответила Катария, и ее губы задрожали. — Но она под стражей моего брата.

— Мы должны вытащить ее! — я рванулась в сторону, но стражник преградил мне путь, бережно, но твердо удерживая за плечи. — Ей нужно бежать! Мне нужно бежать!

— Ламира, тебе некуда бежать, — Катария перехватила мой взгляд. — Он найдет вас на этой земле. Всё здесь, до последнего клочка, принадлежит ему.

— Что мне тогда делать? — закричала я, чувствуя, как перед глазами снова встает страшный силуэт плахи, а лезвие топора, обрывающее жизнь отца, вспыхивает на солнце. Горло сдавило судорогой от невыносимой боли. — Где мне от него спрятаться? Что он вообще хочет от меня?!

Катария опустила глаза, и по ее лицу покатались новые слезы.

— Он сказал, что ваша свадьба состоится на днях. Подготовка продолжается.

— Какая свадьба?! — мой голос сорвался на хриплый, безумный смех. Рассудок окончательно отказывался принимать эту реальность. — Он только что убил моего отца! Он сумасшедший?!

— Он не отказывается от тебя, — прошептала принцесса.

— Райдер приказал немедленно найти тебя и привезти во дворец. Он в ярости от того, что его солдаты до сих пор не доложили, что тебя поймали. Он отправил конный отряд к вам домой.

В голове моментально сложились детали утренней прогулки. Домашний завтрак, прощание у кареты, дикие цветы на опушке леса... Я просто не заезжала обратно в поместье. Моя спонтанная поездка к морю на лошади спасла меня от королевской стражи.

Катария снова резко встряхнула меня за плечи, заставляя сосредоточиться сквозь пелену слез и удушающего горя.

— Ты должна бежать, Ламира. Прямо сейчас.

— Куда? — я беспомощно посмотрела на нее, прижимая кулак к груди, где под тканью платья холодел зажатый в руке старый круглый амулет. — Ты же сама сказала, что он найдет меня везде!

— Единственное спасение от моего брата — оказаться на другой земле, — Катария понизила голос до едва различимого шепота. — Там, где его власть ничего не значит.

— В Астерисе? Или в Вальдаре? — я ошеломленно покачала головой. — Меня никто туда не впустит. Люди для них — враги. Нас убьют на первой же пограничной заставе!

— У меня есть идея, — Катария решительно вытерла слезы и обернулась к своему гвардейцу.

— О чем ты, черт побери, говоришь? — выдохнула я, из последних сил удерживая ускользающее сознание. Боль от

потери отца выжигала внутренности дотла, но инстинкт выживания требовал слушать.

— Вчера Райдер был в бешенстве, — Катария заговорила быстро, лихорадочно оглядываясь на гвардейца. — До него дошли вести из Астериса. Их правитель открывает Дарктвайн. Туда может прийти каждый, кто хочет получить силу и право остаться на их земле навсегда. Но это право придется заслужить.

— Что такое Дарктвайн? И чего они хотят? — я попыталась унять дрожь в голосе, судорожно вдыхая прохладный воздух. — Как его заслужить?

— Я не знаю всех подробностей, Мила, — покачала головой подруга. — Но это твой единственный шанс.

Боль от потери отца всё ещё разрывала меня изнутри, но перед глазами стояло безумное лицо Райдера.

— Я на всё согласна, — глухо произнесла я. — Лишь бы оказаться как можно дальше от него. Но как же Аделия? Мы должны её вытащить.

Катария опустила взгляд, и ее плечи поникли.

— Я не могу сейчас освободить Аделию. Покои, где ее держат, охраняют личные гвардейцы Райдера. Тебе придется отправиться в Дарктвайн одной.

— Одной? — я отшатнулась от нее, едва не задев каменную стену. — Даже если я получу это право, астерийцы не впустят Аделию. Они не принимают чужаков.

— Закон правителя Тардана гласит: тот, кто докажет свою

ценность, получает право на жизнь в Астерисе не только для себя, но и для всей своей семьи. Если ты справишься, они дадут вам защиту. И я помогу тебе освободить Аделию, когда придет время, чтобы она тоже отправилась потом в Астерис. Этот закон Райдер не посмеет нарушить, если не хочет войны.

Я резко отшатнулась от нее. Страх за сестру перевесил даже удушающее горе от гибели отца.

— Я не оставлю здесь свою сестру, Катария! О чем ты, черт побери, говоришь? Райдер убьет ее, пока я буду доказывать что-то чужакам.

— Он не тронет ее, — твердо возразила Катария. — Мой брат далеко не дурак. Он прекрасно понимает, что если с Аделией что-то случится, он больше никогда в жизни тебя не увидит. Для него она — единственный рычаг давления на тебя.

Подруга крепко сжала мои плечи, заставляя поймать ее взгляд.

— Поэтому ты должна немедленно отправляться в Дарктвайн, а о твоей сестре я позабочусь сама. Если возникнет хоть малейшая угроза ее жизни, я тут же ее спрячу.

Слезы хлынули с новой силой, обжигая щеки. Внутренний голос подсказывал, что Катария права. «Доказать свою ценность» чужакам явно означало пройти через тяжелые, опасные испытания. Брать с собой Аделию, подвергая ее смертельному риску на неизвестных землях, было нельзя.

Чтобы сестру приняли и она оказалась в безопасности, я обязана преодолеть этот путь в одиночку.

Я подняла глаза на Катарию, ловя каждое ее слово сквозь пелену слез.

— Обещай мне, — мой голос сорвался на хриплый шепот. — Если я не вернусь или если Аделии будет грозить хоть какая-то опасность, ты спрячешь ее так, что Райдер никогда ее не найдет.

Катария крепко сжала мои плечи и уверенно кивнула.

— Я обещаю, Ламира.

Катария достала из-за пояса небольшой мешочек, туго набитый монетами, и силой вложила его в мою ладонь.

— Возьми, здесь золото, — быстро заговорила она. — Ты должна как можно скорее добраться до границы с Астерисом.

— А если меня не пропустят? — я крепче сжала ткань мешочка, чувствуя, как пальцы леденеют от страха.

— Назови пограничным стражникам цель своего визита. Скажи, что направляешься в Дарктвайн. Астерийцы обязаны пропустить тебя и сами туда проводят.

Я коротко кивнула и резко, изо всех сил прижала Катарию к себе, утыкаясь носом в ее плечо. В горле стоял горький ком, но времени на скорбь не оставалось.

— Береги себя, — выдохнула я. — Позаботься об Аделии.

— Я сделаю всё, что в моих силах, — Катария крепко обняла меня в ответ, а затем осторожно отстранилась и загля-

нула мне в глаза. — Пообещай мне. Пообещай, что ты выживешь.

Я смахнула слезы тыльной стороной ладони, чувствуя, как внутри на месте сломанной жизни зарождается холодная ярость.

— Я выживу, Катария. Сделаю всё, что потребуется. И я обязательно вернусь за своей сестрой.

Катария еще раз коротко и крепко прижала меня к себе, а затем сделала шаг назад.

— Уезжай, — твердо произнесла принцесса. — Ты должна уезжать сейчас же.

Я развернулась и со всех ног помчалась прочь из переулка, пробираясь вдоль края толпы обратно к лесной опушке, где осталась моя лошадь.

Глава 7

Копыта лошади с глухим стуком вгрызались во влажную почву. Деревья вокруг сливались в сплошную зеленую стену. Я неслась вперед, низко пригибаясь к шее кобылы, едва соображая от бешеного адреналина, который заставлял сердце колотиться в самом горле. Мысли отставали от скорости скачки. В голове набатом стучало только одно: быстрее, дальше, прочь от столицы, от эшафота, от Райдера.

Когда поместье и город остались далеко позади, силы окончательно покинули меня. Горло сдавило судорогой, дышать стало нечем. Я резко натянула поводья. Лошадь испуганно заржала, взметнувшись на дыбы, и замерла посреди глухого леса.

Стоило застыть в этой лесной тишине, как сдерживаемая плотина внутри прорвалась.

Я закинула голову назад и закричала на весь лес. Это был дикий крик, который эхом покатился по верхушкам сосен. В этот звук я вложила всю невыносимую боль, которая выжигала меня изнутри дотла. Папы больше нет. Человека, который был всей моей вселенной, защитой и опорой, хладнокровно убили на моих глазах. Аделия, моя маленькая сестра, осталась там, запертая во дворце под стражей безумца.

И этот безумец — Райдер. Тот самый мальчик с яркими голубыми глазами, с которым мы делили все детские секре-

ты. Мужчина, которого я любила всем сердцем и в чьих чувствах была уверена. Как он мог превратиться в это чудовище? Как рука, которая еще недавно гладила мои волосы, могла равнодушно опуститься, отдавая приказ палачу? К боли от потери примешивалось другое, почти невыносимое чувство — предательство.

Крик сорвался на рваный кашель. Я бессильно уронила голову на луку седла, хватая ртом воздух. Слезы градом покатались по щекам, капая на теплую гриву кобылы. Меня трясло крупной дрожью.

Прошло несколько минут, прежде чем рыдания утихли, сменяясь леденящим оцепенением. Лес по-прежнему шумел над головой, безразличный к моему горю. Пришло время остановиться. Плачем папу не вернуть, а сестру не спасти.

Вытерев лицо рукавом испачканного платья, я до боли сжала кожаные поводья в кулаках.

Я пришпорила кобылу, возвращаясь к бешеному бегу. Лошадь послушно неслась по лесной просеке, уводя меня всё дальше на запад. Скачка продолжалась долго, до самого полудня, пока деревья наконец не поредели, открывая вид на пыльную грунтовую дорогу. Впереди показались соломенные и черепичные крыши — крупный приграничный поселок.

Подъехав к первым жилым домам, я перевела уставшее животное на шаг, а затем и вовсе соскочила на землю. Придерживая кобылу за уздечку, я побрела вдоль узкой улицы.

Вокруг кипела обычная сельская жизнь: пахло свежим навозом, дегтем и печеным хлебом. Местные торговцы раскладывали товары на деревянных лотках, шумно зазывая редких покупателей. На уставшую путницу в грязном дорожном платье никто не обращал внимания.

Благодаря золоту Катарии я могла не думать о тратах. Первым делом я подошла к лавке оружейника. Пожилой мастер молча выложил на прилавок несколько вариантов. Выбрав небольшой охотничий кинжал в простых кожаных ножнах, я прикрепила его к поясу платья. Сталь приятно холодила бедро, возвращая слабое чувство защищенности. Дальнейший путь обещал быть опасным, и оставаться безоружной я не имела права.

Затем у соседа-тряпичника я приобрела плотный шерстяной плед, помня, что впереди меня ждут две ночи под открытым небом. До границы оставалось еще два дня пути. В лавке напротив удалось раздобыть огниво, сухой трут и небольшую масляную лампу, чтобы не остаться в кромешной темноте.

Покинув поселок, я остановилась у дороги под раскидистым дубом. Достав из кармана купленный кусок черствого хлеба, я попыталась откусить, но сухой кусок просто не лез в горло. Аппетита не было. Перед глазами до сих пор стояло лицо отца, и от этой картинки желудок сжимался в тугий узел. Я швырнула хлеб в траву, снова вскочила в седло и пустила лошадь вскачь.

Мы двигались без остановок до самых сумерек. Солнце

медленно закатилось за вершины дальних холмов, окрашивая небо в багровые тона. Вечерняя прохлада быстро сменялась настоящим ночным холодом. Мышцы спины и ног нещадно ломило от целого дня в седле, а кобыла начала тяжело дышать, то и дело спотыкаясь на ровном месте.

Дорога снова увела нас под сень высоких деревьев, и в самом начале леса я решила остановиться. Дальше ехать в кромешной тьме было безумием.

Спрыгнув на землю, я первым делом позаботилась о лошади. Расседлав ее, я привязала поводья к крепкому суку и принялась за обустройство ночлега. Ломившее от усталости тело слушалось с трудом. В процессе работы длинный подол моего дорожного платья окончательно зацепился за острую корягу и с треском порвался. Избавившись от мешающих лохмотьев, я просто оторвала изрезанные куски ткани до самых колен.

Набрав сухих веток и мха, я достала купленное в поселке огниво. После нескольких неудачных попыток искры наконец схватились за трут, и мне удалось развести небольшой, тихий огонь. Яркое пламя разжигать было опасно, поэтому я лишь поддерживала слабый тлеющий очаг, способный дать немного тепла.

Укутавшись в шерстяной плед, я зажгла масляную лампу и устроилась у подножия массивного дуба, облокотившись спиной на его жёсткую кору.

Вокруг шумел ночной лес. Деревья зловеще скрипели от

ветра, где-то в чаще ухала сова, а тени от костра лениво ползали по кустам, принимая пугающие очертания. Страх и одиночество давили на грудь. Чтобы хоть как-то успокоить дрожь, я вытащила из ножен охотничий кинжал. Ладонь крепко сжала деревянную рукоять, а лезвие тускло блеснуло в свете лампы. Держа сталь перед собой, я вслушивалась в каждый шорох, готовая в любой момент вскочить.

Но пережитый за день кошмар, изнурительная скачка и литры пролитых слез забрали все силы. Веки налились свинцом. Сидя с зажатым в руке оружием и глядя на угасающие угли, я сама не заметила, как окончательно вырубилась, погружаясь в тяжелый, беспмятный сон.

Я резко открыла глаза и вскочила на ноги, сжав рукоять кинжала. Вокруг было светло — утреннее солнце вовсю пробивалось сквозь кроны деревьев. Первые несколько секунд я испуганно озиралась, не понимая, где нахожусь и почему сплю на земле в разорванном платье.

Осознание вчерашнего кошмара ударило в голову сокрушительной лавиной. Реальность вернулась вместе с острой, удушающей болью. Зубы сами собой сжались до скрежета. Сглотнув горький ком, я заставила себя опустить кинжал в ножны и принялась собираться в путь. Времени на слезы больше не было. Райдер наверняка уже разослал отряды по всем дорогам. Райдер все еще хочет жениться. Меня ждет участь стать женой чудовища и всю жизнь провести рядом с человеком, который хладнокровно убил моего отца. От этой

мысли по коже пробежал мороз. Нужно было двигаться дальше.

Затушив остатки тлеющих углей и наскоро закрепив седло на спине кобылы, я двинулась дальше на заставу.

Потянулись долгие часы монотонной скачки. Лошадь мерно перебирала копытами по лесной тропе, а в моей голове крутились путанные мысли о Дарктвайне. Правитель Астериса открыл это загадочное место, но что оно собой представляло? Астерийцы не были безумными добряками, чтобы раздавать силу и право на жизнь на своей благодатной земле первому встречному человеку.

Как астерийцы вообще могут дать силу? Неужели речь идет о магических способностях? В памяти всплыли слова Катарины о том, что Райдер и его покойный дедушка были одержимы тайной силой Астериса. Выходит, слухи были чистой правдой. На той земле действительно существовало нечто, способное наделить человека возможностями магов. Но за этим приглашением явно крылось что-то пугающее. Меня пугал вопрос: как именно придется доказывать свою ценность чужакам?

Я ведь не была воином. Вся моя жизнь прошла в комфорте, безопасности и бытовой неге в нашем тихом поместье. Я часто бывала при королевском дворе, но понятия не имела, как сражаться или выживать в диких условиях. Любые тяжелые физические испытания или магические проверки казались мне непреодолимой стеной. Хватит ли у меня сил? Не

вышвырнут ли меня астерийцы обратно, прямо к Райдеру, едва я переступлю порог?

Этот страх неизвестности гнал меня вперед сильнее, чем королевская погоня. Я понимала, что шансы выстоять против проверок магов ничтожно малы. Но у меня не оставалось выбора. Путь назад был отрезан жестокостью Райдера и моим нежеланием становиться безгласной тенью при убийце. Впереди, за пограничными заставами Астериса, лежал единственный шанс получить новую жизнь и спасти Аделию. Ради сестры я была обязана доползти до этого Дарктвайна, даже если там меня ждал суший ад.

Скачка продолжалась до самой ночи. В голове царил сплошной бардак, а чувства смешивались в один тяжелый узел. Большую часть пути я изнывала от глухой вины. Мысль о том, что папа погиб из-за меня, не давала покоя. Ведь я просто призналась ему, что не хочу этой свадьбы, и отец обещал помочь. Он поехал во дворец, чтобы защитить меня. Мог ли Райдер убить его именно из-за этого? Но Катария четко сказала: Логан в открытую заявил об отставке, и король воспринял это как измену. От этих противоречий рассудок мутился. Страх перед погоней сменялся паникой перед неизвестной землей Астериса и жуткой тревогой за Аделию.

Вторую ночь я провела в глубоком овраге, завернувшись в плед и не решаясь зажечь огонь. Сон был рваным и чутким. Следующий день превратился в бесконечное испытание.

Лошадь шла из последних сил, да и у меня самой практически не осталось энергии. По дороге пришлось сделать короткую остановку у лесного ручья, чтобы напоить уставшую кобылу. Там же, в приграничном поселении, я зашла на местный рынок и купила дорожный кожаный бурдюк, наполнив его чистой водой. Попробовала взять немного вяленого мяса в лавке, но еда по-прежнему не лезла в горло. Аппетита не было, желудок сводило от одной мысли о еде.

На пути изредка попадались люди — то угрюмые охотники с добычей, то крестьяне из глухих деревень. Никто из них не обращал на меня особого внимания. Обычные прохожие лишь провожали меня равнодушными взглядами. В своем испачканном, разорванном до колен хлопковом платье я больше не была похожа на благородную леди из богатого поместья. Вся в пыли, с растрепанной косой, я казалась им обычной беженкой, одной из тех, кто часто ищет спасения на рубежах. Это помогало оставаться незамеченной.

Ближе к вечеру я решила остановиться на долгую стоянку в заброшенной охотничьей хижине у дороги. Тело нещадно выло, а мышцы сводило судорогой. Я понимала: мне необходимо хорошо выспаться и восстановить силы. Завтра меня ждала чужая земля магов.

Я проснулась на рассвете от резкого холода. Солнце только всходило, окрашивая доски крыши в бледный цвет. Быстро проверив кинжал на поясе и мешочек с золотом, я вывела кобылу на тракт. Усталость никуда не делась, но внутри

крепла жесткая решимость. Я вскочила в седло и пустила лошадь ровным шагом. Впереди, всего в паре часов пути, лежала граница Астериса, за которой начиналась неизвестность.

Спустя два часа лесная просека вывела меня к широкой разделительной полосе. Сквозь листву впереди показался пограничный рубеж. Мое сердце испуганно екнуло: прямо у заставы, перекрывая главный тракт, расположился конный отряд солдат Торендо. Гвардейцы в знакомых доспехах переговаривались, удерживая оружие наготове. Райдер наверняка уже разослал приказ о моем поиске, и соваться на открытую дорогу было чистым безумием.

Пришлось спешиться и увести кобылу вглубь зарослей. Оставлять здесь коня, который верой и правдой нес меня эти дни, было невыносимо жалко. Я ласково похлопала кобылу по шее, сняла с нее седло вместе с уздечкой и тихо шепнула: «Беги, милая. Спасибо тебе». Слегка ударив ее по крупу, я дождалась, пока животное скроется среди деревьев, и двинулась искать обходной путь самостоятельно.

Продвигаться пешком через густой кустарник в разорванном до колен платье было тяжело. Ветки царапали обнаженные ноги, а сапоги вязли в сыром мху. Пограничные рубежи охранялись строго с обеих сторон — многолетняя ненависть и недавние стычки заставляли дозоры прочесывать каждый фут. Идеальная лазейка должна быть там, где ландшафт становился непроходимым для конных патрулей.

Вскоре я наткнулась на глубокий лесистый овраг, завален-

ный буреломом и старыми поваленными стволами. Склоны здесь были крутыми, а дно тонуло в густом тумане. Осторожно цепляясь за корни деревьев и съезжая по грязи, я спустилась на самое дно расселины. Прячась за поросшими мхом глыбами, я шаг за шагом преодолевала нейтральную зону, пока овраг не вывел меня на пологий подъем.

Едва я выбралась наверх и переступила невидимую черту, как сразу поняла, что оказалась на территории Астериса.

Прямо предо мной, на небольшой поляне, располагался лагерь астерийской передовой стражи. Вокруг стояли черные походные шатры, а у костров сидело множество вооруженных воинов. При моем появлении суeta в лагере мгновенно утихла. Десятки тяжелых взглядов уставились на меня. В воздухе повисло опасное напряжение.

Я быстро осмотрела их, и по телу пробежал озноб. Эти существа выглядели жутко и совсем не походили на людей. У одного воина, сидевшего ближе всех к костру, глаза были полностью темными, без белков, а от воротника по шее поднимались багровые ломаные линии. У другого стражника, точившего длинный кинжал, из-под кожного доспеха проступали темные полосы, уходящие к вискам. Их нечеловеческая природа сквозила в каждом движении и жесте.

Двое астерийцев, сидевших ближе остальных и первыми заметивших мое появление, поднялись со своих мест и направились ко мне. Они были высокими, широкоплечими, в темных кожаных доспехах. Один заглянул мне в лицо тем-

но-синими глазами со странным холодным блеском. На лицах обоих появились мерзкие ухмылки. Переглянувшись, мужчины откровенно рассмеялись.

Их изучающие взгляды скользили по мне с ног до головы, задерживаясь на разорванном подоле, обнаженных ногах и грязном лице. В этих глазах не было сочувствия к беженке. Они смотрели на меня так, словно перед ними оказался кусок мяса, случайная добыча, которой можно было беспрепятственно овладеть прямо здесь, на границе.

Я инстинктивно сделала шаг назад, и моя ладонь сама собой легла на деревянную рукоять охотничьего кинжала, спрятанного на поясе.

— Какая девка, — протянул тот, что был с темно-синими глазами, окинув меня медленным, оценивающим взглядом. — И что человеческая беженка забыла по эту сторону границы?

— Я иду в Дарктвайн, — твердо ответила я, заставляя голос звучать ровно, хотя сердце готово было выскочить из груди.

Оба стражника замерли на мгновение, а затем поляну огласил их громкий, издевательский хохот. Второй воин стоял от смеха, но продолжал жадно разглядывать мое лицо.

— В Дарктвайн? — переспросил синеглазый. — Ты?

— Да, — я сильнее сжала рукоять оружия под пледом. — Вы обязаны меня пропустить.

Их веселье только усилилось. Мужчины продолжили при-

ближаться, бесцеремонно сокращая расстояние. Тот, что покрупнее, цинично усмехнулся и сделал еще шаг. Было очевидно: моим словам они не поверили ни на секунду.

— Решила сбежать со своей жалкой земли и укрыться здесь, мелкая тварь? — выплюнул он.

— Я иду в Дарктвайн! — выкрикнула я, уже не таясь, и выставила охотничий кинжал прямо перед собой.

Синеглазый астериец среагировал молниеносно. Он выбросил руку вперед, намертво перехватил мое запястье и с силой вывернул его. Острая боль прошла руку до самого плеча, пальцы сами собой разжались, и кинжал с глухим стуком упал в траву.

— Не трогайте меня! — закричала я, отчаянно пытаюсь вырваться, но он лишь сильнее прижал меня к своему кожаному доспеху.

Второй воин перестал смеяться. Он подошел вплотную, ухватился за подол моего хлопкового платья, собирая ткань в кулак и задирая ее вверх, обнажая бедра.

— Здесь граница, девка, — прорычал он мне в самое ухо, обдавая горячим дыханием. — И только нам решать, кого пропускать на нашу землю, а кого пустить в расход прямо тут.

Я начала брыкаться, в ярости молотя ногами по его голенищам, но разница в весе и силе была слишком большой. Нападавший грубо смял меня под собой, лишая возможности защищаться. Синеглазый жадно прильнул к моей шее, его

влажный язык обжег кожу. Наслаждаясь моим сопротивлением, он принялся жадно целовать и облизывать шею, спускаясь всё ниже, к груди. Накатившая волна отвращения заставила меня задохнуться, я извивалась в его тисках, пытаюсь закрыться руками.

Но в следующий миг его движения замерли. В порыве он дернул ворот моего платья, с треском отрывая верхнюю пуговицу, и его взгляд намертво прикипел к обнажившейся коже.

Астериец шумно втянул воздух. Грубо запустив пальцы мне под ворот, он одним рывком сорвал с моей шеи потемневший круглый медальон, с треском порвав тонкую цепочку. Хватка ослабла, когда воин устался на металл в своей руке. Весь его похотливый напор моментально испарился.

— Откуда это у тебя?! — жестко выдохнул он, сжимая амулет в кулаке.

— Отдай! — выплюнула я, отчаянно пытаюсь вернуть вещь. — Это мое!

Астериец перехватил мое плечо и рывкнул так, что заложило уши:

— Я спросил: откуда это у тебя?!

— Это подарок! — выкрикнула я в ответ, задыхаясь от гнева и страха. — Каз подарил!

Воин замер. Он повернул медальон на ладони, вглядываясь в потемневший металл. Лицо стражника побледнело, стирая всю наглость.

Второй солдат, заметив эту перемену, подозрительно сощурился. На его щеке багровые линии у висков стали заметно темнее.

— Что там такое? — осекся он, заглядывая напарнику через плечо.

Стоило ему рассмотреть гравировку, как его лицо сделалось серым.

— Пропусти ее, — приказал второй, меняясь в голосе.

— Чего? — первый недоверчиво вскинул голову.

— Я сказал — пропусти ее!

— Ты серьезно? — напарник упрямо сжал челюсть. — Веришь, что эта девка идет в Дарктвайн? Посмотри на нее!

— У нее амулет неприкосновенности правящего дома, — жестко отрезал второй, не сводя с меня настороженного взгляда. — Отдай ей этот чертов амулет и пропусти, если не хочешь проблем. Понимаешь, чье это клеймо?

Первый еще раз посмотрел на букву «К» на металле, словно до конца не веря своим глазам.

— Ты уверен, что это он?

— Да. Отдай.

Астериец разжал пальцы и протянул мне медальон вместе с порванной цепочкой. От его былых намерений не осталось и следа.

— Проходи, — бросил он, отступая назад к костру. — Мы распорядимся, чтобы тебя доставили в пункт сбора. Оттуда всех отправляют в Дарктвайн.

Я схватила свой медальон, крепко сжимая его в кулаке, и быстро зашагала мимо застывших воинов вглубь лагеря. Стоило отойти на безопасное расстояние, как меня накрыло облегчение. Ноги стали ватными, а тело забилося в крупной дрожи. Я едва удерживала равновесие, хватая ртом прохладный воздух.

В голове не укладывалось то, что я только что услышала. Рассудок отказывался принимать новые факты. Амулет неприкосновенности правящей семьи?

Я ведь всю жизнь была уверена, что Каз просто оставил мне этот кулон на память, как подарок на прощание. Мне и в голову не могло прийти, какими свойствами обладает этот кусок металла. Обычная вещь оказалась настоящим щитом, который только что спас мне жизнь от бесчинства пограничной стражи. Я сжала медальон так сильно, что его края впились в ладонь. Пятнадцать лет я считала его обычным подарком на память. Оказывается, Каз оставил мне не память. Он оставил мне защиту.

Глава 8

Около получаса я провела в лагере передовой стражи, стараясь держаться как можно дальше от костров и укрытых кожей шатров. Астерийцы больше не делали попыток приблизиться, но один из них молча выставил передо мной деревянную миску с горячим похлебкой и куском вареного мяса. Еда, которая все эти дни не лезла в горло, сейчас показалась спасением. Голод накатил внезапно, и я съела всё до последней крошки, чувствуя, как по телу наконец разливается слабое тепло.

Оставшись наедине с собой в тени раскидистого дерева, я вытащила из кармана порванную цепочку. Пальцы до сих пор мелко дрожали, но мне удалось аккуратно разогнуть крайнее звено, зацепить его за замок и с силой сжать металл. Проверив прочность пальцами, я надела медальон обратно на шею и спрятала его глубоко под воротник платья.

Шорох шагов заставил меня вскинуть голову. Ко мне подошел один из воинов — по виду самый молодой из всей пограничной стражи.

— Пора, — коротко бросил он, удерживая за поводья крупного коня. — Я отвезу тебя к месту сбора. Это недалеко.

Спорить я не стала. Стражник помог мне взобраться на лошадь, а затем запрыгнул в седло сзади. Всю дорогу мне пришлось ехать впереди. Юноша крепко прижимал меня к

себе, перехватив поводья, отчего внутри нарастало глухое чувство дискомфорта. Его кожаный доспех пах дегтем и чужой землей, но я упрямо терпела эту вынужденную близость. Тот факт, что гвардеец был совсем молод и не проявлял к измученной беженке плотоядного интереса, помогал сохранять относительное спокойствие.

Вскоре деревья впереди расступились, открывая вид на небольшое двухэтажное здание из серого камня. Лошадь перешла на шаг. Возле массивного крыльца группами стояли люди. Стоило мне взглянуть в их лица и обычные человеческие глаза без пугающих багровых полос на коже, как пришло отчетливое понимание: это мои соотечественники. Такие же беженцы из Торендо, которые рискнули всем, чтобы добраться до Дарктвайна.

Молодой астериец остановил коня у коновязи, соскочил на землю и протянул мне руку, помогая слезть.

— Иди к остальным, — произнес он, указывая подбородком на крыльцо. — Жди дальнейших указаний.

Кобыла фыркнула, и стражник развернул коня, уезжая обратно к границе. Оставшись одна, я медленно двинулась к каменному зданию, внимательно разглядывая толпу.

Всего на площадке собралось около пятнадцати человек, и все они выглядели пугающе разными. Двое мужчин в поношенных кожаных куртках и со шрамами на лицах неуклонно напоминали дезертиров или бывших солдат из нашего королевства. Чуть поодаль шептались трое парней с хитры-

ми, вороватыми повадками — явные уличные карманники или контрабандисты.

Среди собравшихся я заметила двух женщин. Одна из них, высокая и подтянутая, стояла опершись на стену. Ее дерзкое лицо и уверенная поза выдавали воительницу, привыкшую полагаться на собственную силу. Вторая, более молодая, выглядела милой и хрупкой, но даже в ее осанке читалась жесткая собранность.

Взгляд скользил от одного человека к другому, и внутри постепенно зарождался новый страх. От каждого из этих незнакомцев веяло опасностью. По мозолям на их пальцах, по манере держать руки близко к ножнам было видно, что все они умели обращаться с оружием и знают, что такое драка. Я же на их фоне казалась беспомощной тенью. Я никогда не держала в руках ничего тяжелее охотничьего кинжала, и это осознание собственной слабости перед грядущими проверками Дарктвайна заставило меня сильнее сжать кулаки.

Я сделала шаг к остальным, но дорогу мне преградил один из стоявших на поляне астерийцев. На его шее темнел узор из ломаных линий. Он смерил меня долгим взглядом, задерживаясь на испачканных сапогах и порванном подоле.

— Ты тоже в Дарктвайн? — спросил стражник, недоверчиво изогнув бровь.

— Да.

— Проходи, ты как раз последняя, — он отступил в сторону, освобождая путь к группе. — Сюда принимают только

первых пятнадцать человек. Больше мест нет. Скоро вас отвезут на место.

В голове помутилось от смеси шока и мгновенного облегчения. Колени на секунду стали ватными. Задержись я в лесу у ручья чуть дольше, и я бы просто не попала в число избранных. Путь к спасению Аделии был бы отрезан.

Сглотнув вставший в горле ком, я прошла на площадку к остальным беженцам. Стоило приблизиться, как три мужчины из толпы повернули головы в мою сторону. Это были те самые дезертиры, от которых веяло запахом казарм и застарелой крови. Один из них, с хищным лицом и глубоким шрамом через всю щеку, выглядел особенно мерзко. Он коротко кивнул своим людям, и вся троица целенаправленно двинулась наперерез, заставляя меня остановиться у каменного выступа стены.

Главарь замер в двух шагах от меня. Между его пальцев ловко, с едва слышным свистом, крутился узкий нож.

— Ошиблась дорогой, мелкая? — ухмыльнулся он, сканируя меня наглым взглядом.

Я заставила себя выпрямить спину и не отводить глаз, хотя ладонь за спиной инстинктивно потянулась к спрятанному на поясе кинжалу.

— Нет. Я так же, как и вы, отправляюсь в Дарктвайн.

Мужчина громко рассмеялся, и его подельники подхватили этот издевательский смех. Нож в его руке исчез, скользя в рукав кожаной куртки.

— Это будет интересно, — протянул он, делая еще шаг вперед и вторгаясь в мое личное пространство. — Если там станет совсем скучно, найди меня. Меня зовут Аш. Запомни это имя.

Он выбросил руку вперед, его жесткие пальцы больно впились в мой подбородок, вынуждая поднять голову. В его глазах загорелся опасный блеск. Я дернулась, собираясь выхватить сталь, но в этот момент над площадкой разнесся чужой голос:

— Убери от нее свои руки, Аш.

Главарь дезертиров недовольно поморщился, но пальцы разжал, отступая на шаг. Я торопливо повернулась на звук.

Позади нас стоял мужчина с серьезным лицом и открытым взглядом. От всей его собранной фигуры веяло уверенной силой воина, но без той грязи и жестокости, что исходила от троицы дезертиров. Рядом с ним стояла та самая молодая женщина с мягкими чертами лица, которую я заметила в толпе ранее. Она ободряюще посмотрела на меня, и паника утихла. Рядом с этой парой стало непривычно спокойно.

Аш цинично сплюнул на землю под ноги заступнику и снова перевел взгляд на меня.

— Рано или поздно мы всё равно останемся наедине, мелкая. Это еще не конец, — ухмыльнулся он, махнул своим людям, и вся троица отошла к противоположному краю поляны.

Я проводила взглядом Аша и его поделщиков, а затем

окинула глазами поляну. Из собравшихся людей никто не стоял поодиночке. Одна группа сплотилась у коновязи, и рядом с ними держалась та самая высокая женщина с дерзким лицом воительницы. Чуть поодаль стояли еще четверо мужчин. Было очевидно, что все они интуитивно сбивались в стаи, пытаясь обезопасить себя.

Я оказалась единственной, у кого не было никого рядом. Одиночество в такой толпе приравнивалось к приговору. Повернувшись к паре, которая только что за меня заступилась, я поняла, что обязана найти союзников, если хочу выдержать грядущее и выжить.

— Спасибо, — произнесла я, глядя на серьезное лицо мужчины.

Он дружески улыбнулся, и эта мимолетная улыбка изменила его суровые черты.

— Не за что, — ответил он, бросив короткий взгляд в сторону дезертиров. — Не люблю, когда всякое отребье думает, что ему всё дозволено. Меня зовут Ник.

Он кивнул на стоявшую рядом девушку.

— А это Рима.

— Ламира, — представилась я, чувствуя, как напряжение в плечах постепенно спадает.

Рима тут же сделала шаг навстречу и подошла ближе. В ее глазах читалось искреннее облегчение.

— Ламира... Какое красивое имя, — тепло произнесла она, а затем покосилась на противоположный край поляны,

где у коновязи стояла высокая воительница. — Знаешь, я так рада, что здесь есть еще одна женщина. А то вон та выглядит совсем недружелюбной. К ней даже подходить страшно.

Рима внимательно посмотрела на мое разорванное до колен платье, испачканные грязью сапоги и продолжила:

— Будет лучше, если мы станем держаться вместе. По отдельности тут будет слишком тяжело. Нас раздавят поодиночке.

Я перевела взгляд на Ника. Он молча и одобряюще кивнул, подтверждая слова своей спутницы. Было ясно, что мужчина тоже не против моего присутствия в их команде. Ник посмотрел на меня как-то странно, оценивающе, задерживая взгляд на моем изможденном лице, но промолчал.

— Я согласна, — тихо ответила я им обоим. — Одной у меня здесь просто нет шансов.

Я только открыла рот, собираясь расспросить Ника и Риму про Дарктвайн, как двери серого здания отворились. Изнутри вышли двое астерийцев, мгновенно приковав к себе внимание всей поляны.

Оба были высокими, но выглядели совершенно иначе, чем пограничные стражники. На них не было тяжелых кожаных доспехов — их заменяла плотная форменная одежда глубокого металлического цвета. У того, что шел первым, были темные волосы. От самой челюсти по его шее спускались ломаные темные линии, исчезая под плотным воротником. Он окинул толпу беженцев тяжелым, оценивающим

взглядом. Его глаза оказались странного стального оттенка, под цвет одежды.

Второй астериец был светловолосым. Узоры на его шее выглядели бледными, почти серебристыми полосами, уходящими за отворот куртки. Его глаза тоже были светлыми, но не белыми, а какими-то выцветшими, лишенными привычного человеческого тепла.

Остановившись на краю поляны, темноволосый воин обвел нас взглядом и громко произнес:

— Мы направляемся в Ценерис.

Он коротко кивнул стоявшему неподалеку стражнику. Тот сразу скрылся за углом здания и уже через пару минут вернулся в сопровождении целого отряда воинов. Они вывели на поляну множество крупных оседланных лошадей. Астерийцы принялись распределять коней, давая по одному животному каждому из пятнадцати беженцев.

Среди толпы мгновенно пронесся испуганный шепот. Люди растерянно переглядывались, тихо переспрашивая друг друга, что такое Ценерис и почему их везут именно туда, а не в Дарктвайн. Но прибывшие командиры полностью игнорировали эти вопросы. Светловолосый воин лишь дождался, пока последний из нас перехватит поводья, и жестко, не терпящим возражений тоном отдал приказ:

— Отныне вы следуете за нами. По коням.

— Ник, что такое Ценерис? — спросила я, сильнее сжимающая поводья.

Мужчина закинул дорожную сумку на луку седла и по-мрачнел.

— Слышал от контрабандистов, что это гробница. Какое-то древнее место силы. Говорят, там погребли целый род существ, владевших первобытной магией.

— А я слышала, что это огромный грот, — тихо вмешалась Рима, проверяя подпругу своей кобылы. — Магический грот, уходящий глубоко под землю.

— Ничего не понимаю, — я растерянно покачала головой. — Почему мы не отправляемся сразу в Дарктвайн?

— Разберемся по дороге, — оборвал Ник.

Он вскинул голову и заметил, что двое командиров-астерийцев внимательно наблюдают за нашим перешептыванием. Мужчина сразу сделал шаг назад и тише добавил:

— Ламира, садись на лошадь. Живее. Не привлекай внимания.

Я только потянула поводья, собираясь поставить ногу в стремя, как тяжелые двери серого здания снова распахнулись. Вся поляна мгновенно замерла. В воздухе повисло удушьящее напряжение. Кони принялись испуганно прятать ушами и перебирать ногами.

На пороге показался высокий мужчина, и от одного его вида меня передернуло. Его голова была скрыта глубоким черным капюшоном, из-под которого едва выбивались короткие темные волосы. Нижняя часть лица была плотно закрыта маской-банданой, полностью скрывавшей черты. Но

его глаза заставили меня оцепенеть. Один глаз был темным, а другой — светлым. Внутри темного зрачка клубился серый дым. Этот взгляд сканировал толпу, заставляя кожу покрываться мурашками.

На незнакомце была темная одежда с короткими рукавами. Ткань на шее слегка сдвинулась, обнажая кожу, густо покрытую ломаными темными узорами. Эти же рисунки, похожие на застывший дым, покрывали его мощные предплечья, спускались к запястьям и полностью оплетали кисти рук. Каждое его движение казалось физически осязаемой угрозой.

Двое астерийских командиров, которые до этого жестко командовали нами, синхронно склонили головы в знак глубокого уважения. Стало очевидно: перед нами появился тот, кто держит в страхе даже собственную элитную стражу. Главный в этом лагере.

Один из воинов подвел к нему крупного вороного коня. Мужчина в капюшоне легко взлетел в седло, не проронив ни единого слова, и направил черного жеребца вперед, к лесному тракту.

Командиры мгновенно развернули своих лошадей следом за ним. Темноволосый стражник со стальными глазами обернулся к нам и громко отчеканил:

— Следуйте за нами!

Я переглянулась с Ником и Римой. В глазах моих новых спутников отразился тот же страх, который сковал мои соб-

ственные внутренности. Стараясь держаться как можно ближе друг к другу, мы пустили коней шагом, покорно следуя за предводителем вглубь чужой земли.

Мы скакали до самого вечера, удерживая лошадей в ровном темпе. Наш походный строй со всех сторон плотно контролировался. Впереди ехал молчаливый предводитель в капюшоне и двое его командиров, а замыкали шеренгу еще несколько стражников. Из-за этого расположения не покидало гнетущее ощущение, будто мы не будущие союзники Астериса, а обычные военные пленники.

Во время недолгих переходов на шаг мне удавалось переговариваться с Ником и Римой, хотя на ходу делать это было тяжело.

— А про сам Дарктвайн вы что-нибудь слышали? — спросила я, наклоняясь к гриве коня.

— Ничего конкретного, — отозвался Ник, поправляя поводья. — Слухи ходили разные, но никто из наших толком не знает, что это за место и что нас там ждет.

— Зато я точно знаю, что Ценерис существовал еще до появления нынешних королевств, — тихо добавила Рима. Она ехала чуть левее, внимательно следя за дорогой. — До того, как народы разделились, и даже до появления первых магов.

— Это всего лишь старые легенды, которые люди годами пересказывали на нашей земле, — покачал головой Ник. — Истинные ответы знают только сами астерийцы.

Несмотря на его слова, дурное предчувствие по поводу

этой гробницы не покидало меня. От одного названия Ценерис по спине пробежал холодок.

Когда начало темнеть, наш отряд наконец выехал на просторную поляну. Двое командиров спешили, а сам предводитель остался в седле чуть поодаль, на краю леса. Он молча разглядывал нас со своего вороного коня. В наступающих сумерках смотреть на него было жутко. Из-за темноты его черный глаз полностью сливался с ночной тенью, но второй, светлый, казалось, едва заметно светился во мраке, не отрываясь от толпы беженцев.

Командиры подошли к центру поляны. Тот, что был с темными волосами и стальными линиями на шее, обвел нас взглядом.

— Меня зовут Маркус, — твердо произнес он.

— Я Харди, — отозвался второй, светловолосый. — Мы будем сопровождать вас от начала и до конца.

Они не стали объяснять, от начала чего и до конца чего именно нам придется пройти. Харди лишь обернулся к подчиненным и громко скомандовал делать привал. Что до Ценериса оставалось еще два дня пути, и ехать ночью было опасно.

Стражники принялись снимать с лошадей припасы. Они раздавали людям плотные дорожные одеяла, помогали разводить костры и начали готовить еду. Едва мои сапоги коснулись травы, я забрала свое одеяло и поспешила подойти к Нику и Риме.

Беженцы разбились на небольшие группы у нескольких костров, интуитивно держась своих. Мы втроем устроились у небольшого очага. Тепло от разгорающегося пламени приятно согревало уставшее тело, помогая хоть немного расслабиться после целого дня в седле.

Ник долго разглядывал меня, а затем заговорил, и в его голосе прозвучало неожиданное участие:

— Слушай, ты только не обижайся, Ламира... Но ты совсем не похожа ни на кого из нас. Я не понимаю, что могло привести такую, как ты, на эти земли.

Взгляд упал на танцующие языки огня. Рассказывать правду про Райдера, убийство отца и побег из поместья было опасно.

— У меня не оставалось других вариантов, — ответила я, сильнее сжимая край пледа. — Я должна спасти свою младшую сестру.

Ник и Рима переглянулись, но расспрашивать дальше не стали, уловив мое нежелание вдаваться в подробности. Рима подбросила в костер сухую ветку и произнесла:

— Мы с Ником здесь тоже не ради великой силы. Нам просто нужна спокойная жизнь.

— А что случилось у вас? — спросила я, переводя взгляд с одного лица на другое.

— Мы из одной деревни, — Рима горько усмехнулась. — Жить там было невыносимо. Сплошная бедность, голод, вечные драки за каждый кусок хлеба. Наши родители давно

умерли от болезней, и мы с Ником уже несколько лет выживаем сами по себе.

Я сочувственно посмотрела на них. Они сидели так близко, подставляя ладони к огню, что в голове сама собой мелькнула мысль: они наверняка пара. Столько пережитого вместе обычно связывает людей крепче любых клятв.

Заметив мой долгий, понимающий взгляд, Рима вдруг рассмеялась и поспешила добавить:

— Эй, только не подумай ничего такого, мы не пара. Ник мне как брат. Мы с самого детства вместе растем и защищаем друг друга. Точнее, это Ник меня постоянно из всяких передрыг вытаскивает. В нашей глуши мы бы просто рано или поздно умерли с голоду или в какой-нибудь потасовке.

Ник шевельнул угли длинной палкой и серьезно кивнул, подтверждая слова названной сестры:

— Именно поэтому мы здесь, Ламира. Лучше мы пройдем любые испытания астерийцев в этом Ценерисе, какими бы тяжелыми они ни были, но получим шанс на нормальную жизнь. Другого пути у нас всё равно нет.

К нашему костру подошли стражники. Они молча протянули деревянные миски с кашей и мясом. Я принялась за еду, попутно разглядывая своих новых знакомых в неровном свете пламени. У Ника были светлые волосы и чистые зеленые глаза, а Рима оказалась темноглазой брюнеткой. Пока мы ужинали, парень заботливо поправил сползающий с плеч названной сестры плед, и та в ответ тепло ему улыбнулась.

Наблюдая за ними, я тоже невольно улыбнулась. Появилось робкое чувство, что мне повезло встретить здесь таких людей.

Вдруг краем глаза я уловила движение на границе темноты. Взгляд зацепился за силуэт наездника, и аппетит пропал.

Это был их предводитель в капюшоне. Он так и не спустился на землю. Черный жеребец ходил кругом на расстоянии от лагеря, а всадник молча наблюдал за кострами. Он ни разу ни с кем не заговорил, не приблизился и держался обособленно, обмениваясь короткими жестами только со своими воинами.

В его статичной фигуре сквозь прорезь маски читалось пренебрежение. Он смотрел на нас так, будто мы были никем, пустым местом, недостойным находиться на его земле. Во взгляде сквозило такое отношение, словно судьба каждого из нас уже предрешена и мы все равно не жильцы.

Между людьми и астерийцами веками шла война. Но если их правитель сам открыл рубежи и пообещал дать право на жизнь тем, кто пройдет испытания, зачем этот вожак демонстрирует такую неприязнь? Остальные стражники вели себя иначе. Тот же Маркус и Харди держались строго, как и положено командирам, но хотя бы не смотрели на беженцев с таким высокомерием. Лидер в капюшоне же одним своим присутствием превращал мирный привал в тягостное ожидание.

Я сильнее закуталась в одеяло, стараясь не смотреть в сто-

рону леса, где в темноте продолжал тускло светиться его глаз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.